

№ 17.

1903

М А Й.

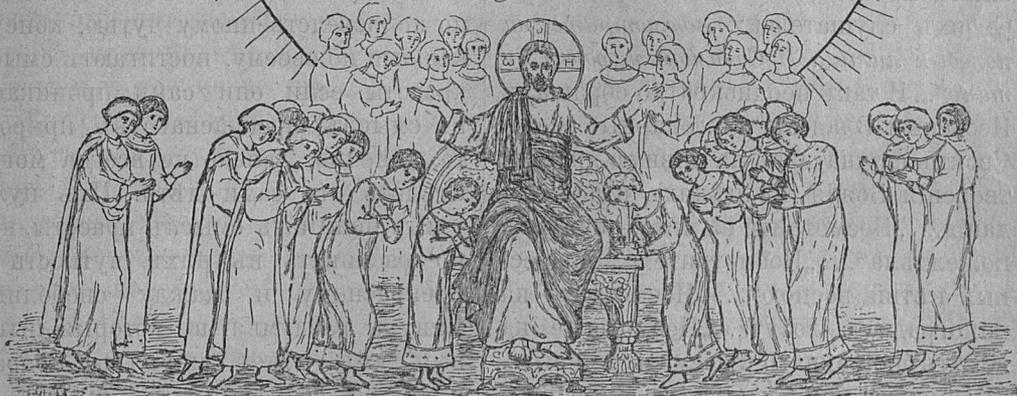

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СВѢТЪ ДА СВѢТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ ВРАНИ
ТЕ МЯ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ОТЪ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ, отъ 17—26 марта 1903 года за № 273, утвержденнымъ Г. Сунодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, постановлено: издаваемый въ Троицѣ-Сергіевой Лаврѣ, подъ редакцію архимандрита Нікона, журналъ БОЖІА НИВА, Троицкій собесѣдникъ для церковно-приходскихъ школъ, цѣна 1 рубль въ годъ—одобрить для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.

ПРЕКРАСНОЕ ВЪ ПРИРОДѢ, КАКЪ СРЕДСТВО ВОСПИТАНІА.

„Посмотрите на полевья лиліи, какъ онѣ растутъ... И Соломонъ во всей славы своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ“. МѠ. 6, 28, 29 ст.

И вотъ, послѣ долгой бесѣды Божественнаго Учителя съ многочисленными слушателями, кроткій взоръ Его остановился на прекрасной долиноѣ, разстилавшейся у подножія горы, на которой сидѣлъ Онъ... Тамъ, въ лѣтнюю пору, пестрѣли цвѣты. Не ускользнула отъ Него красота одѣтаго зеленю луга. И Онъ обращаетъ на него, на эти цвѣты, взоръ Своихъ слушателей: *„посмотрите на полевья лиліи... И Соломонъ не одѣвался такъ“*... И такъ неоднократно обращалъ Небесный Владыка благодарные взоры Своихъ слушателей на дивную красоту творенія Божія въ цѣляхъ ихъ назиданія... *„Посмотрите на ниву—она уже пожелтѣла“*... *„Посмотрите на древесныя вѣтви весною“*... *„Посмотрите на виноградную лозу“*... *„Посмотрите на всходъ брошеннаго въ землю сѣмени“*... *„Посмотрите на неплодную смоковницу“*—часто слышалось изъ Его устъ. Каждая былинка, каждая травка, всякій цвѣтокъ, всякое деревце—все это учить насъ, все это окрыляетъ нашу душу, все это возвышаетъ нашу мысль, все это назидаетъ насъ... И назидались этими уроками ученики Спасителя, назидались ими и многочисленные слушатели Его, задумывавшіеся, глубоко задумывавшіеся надъ особыми путями промышленія Божія о человѣкѣ...

Задумывается надъ смысломъ дѣйствительности и современное человечество, жадно ловить оно проблески красоты въ природѣ, успокаивая ими тревогу наболѣвшаго сердца, или облагораживая свою душу... И житель далекаго сѣвера, и обитатель счастли-

ваго юга—и они одинаково не могутъ быть равнодушны къ прекрасному въ природѣ, если, разумѣется, подъ наплывомъ житейскихъ тревоженій, не теряютъ способности находить для себя минуты раздумья... Для всѣхъ въ красотахъ природы сокрытъ особый, высшій смыслъ... Открытъ для взрослыхъ, открытъ и для дѣтей...

Но если люди зрѣлыхъ лѣтъ сами, по непосредственному чутью, конечно каждый по своему, постигаютъ смыслъ красоты, если они сами проникаютъ въ смыслъ прекраснаго въ природѣ, то, конечно, далеко не всегда могутъ сдѣлать это сами дѣти. Ихъ нужно учить понимать смыслъ красоты, нужно развивать въ нихъ чуткость къ прекрасному и жажду свободныхъ минутъ раздумья, въ которыя пылкій умъ дѣтей могъ бы проразумѣть во всемъ высшій смыслъ... И современная педагогика задумывается, глубоко задумывается надъ этою стороною воспитанія, надъ развитіемъ въ дѣтяхъ эстетическаго чувства, чувства прекраснаго. И если когда, то именно теперь руководители просвѣщенія стали понимать, что

Чѣмъ шире помыслы и чувства дитяти,

Тѣмъ выше всѣ его стремленья ¹⁾.

И это конечно потому, что эта сторона воспитанія, воспитаніе эстетическаго чувства, дѣйствительно—великая и высокая задача для всякаго руководителя юношества.

И однако стоитъ прислушаться къ

¹⁾ Шиллеръ.

тому немногому, что говорится теперь по вопросу о воспитаніи въ подростящемъ поколѣніи чувства прекраснаго, чтобы составить себѣ представленіе о томъ нежеланномъ направленіи, о тѣхъ цѣляхъ, въ какихъ развивается это чувство... Такъ, въ недавнее время одинъ изъ горячихъ поборниковъ воспитанія эстетическаго чувства дѣтей и вообще учащагося юношества, жалующься на полное забвеніе въ педагогикѣ этой стороны воспитанія, пытается, между прочимъ, уяснить, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и не своими словами, цѣль такого воспитанія ¹⁾. „Я буду говорить, писать, между прочимъ, почтенный авторъ, объ искусствѣ въ школѣ, или, вѣрнѣе сказать, объ отсутствіи въ ней искусства... Школа въ крайнемъ случаѣ учитъ своихъ питомцевъ техникѣ и механическимъ приемамъ того или другаго искусства, но она совершенно не заботится о томъ, чтобы раскрыть предъ ними *духовное содержаніе*—конечную цѣль искусства“ ²⁾. И далѣе онъ разъясняетъ, въ чемъ должно состоять это „духовное содержаніе“... Оно должно состоять въ развитіи способности вслушиваться въ звуки симфоній и сонатъ, способности *эстетической иллюзіи* ³⁾... А такая эстетическая иллюзія необходима для нашего душевнаго развитія, она является какъ-бы дополненіемъ нашей неполной, искалѣченной жизни... Это, продолжаетъ далѣе авторъ, приводя слова К. Ланге, путь, „по которому мы, хотя-бы отчасти, можемъ приблизиться къ идеалу *гуманизма*, къ гармоническому развитію *всѣхъ нашихъ силъ*, къ всестороннему проявленію всей нашей на-

туры“ ¹⁾... Итакъ, вотъ какіе идеалы должно преслѣдовать эстетическое образование: „гуманизмъ“ и „*всестороннее проявленіе всей нашей природы*“. Всѣ другіе высшіе хрістіанскіе идеалы, всѣ другія чувствованія и чувства, дающія возможность во злѣ (физическомъ) предчувствовать добро, созерцать небесную истину подъ образомъ земной красоты, проникать въ высшія таинства вселенной, разсматривать ее *sub specie aeternitatis*—съ точки зрѣнія вѣчности ²⁾, чтобы, потомъ, во имя этой вѣчности дать торжество духу надъ плотію и поднять свои глаза къ небу—все это забывается здѣсь, какъ и вообще, къ сожалѣнію, при сужденіяхъ объ эстетическомъ развитіи дѣтей... А вѣдь если кому, то именно дѣтямъ, которыя такъ довѣрчиво слѣдятъ за всякой честной рукой, указывающей имъ на красоту природы, а за нею и въ ней на ея Творца, которыя такъ внимательно слушаютъ рассказы о чудесахъ природы, именно и слѣдуетъ внушать эти святыя идеалы и утверждать въ той мысли, что

Всѣ сокровища природы:
 Степей безбережный просторъ
 Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
 И моря пѣвныя воды,
 Земля, и солнце, и луна,
 И всѣхъ созвздіи хороводы,
 И синей тверди глубина,—
 То все одно лишь отраженье,
 Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
 Которыхъ вѣчное видѣнье
 Въ душѣ избранника живетъ ³⁾.

Вмѣсто всякихъ теоретическихъ рассужденій, по вопросу о необходимости воспитанія эстетическаго чувства въ дѣтяхъ, именно въ этомъ направленіи,

¹⁾ См. Вѣстникъ Воспитанія, 1903 г. Искусство въ школѣ, Фота.

²⁾ Ibid. стр. 176.

³⁾ Ibid. стр. 179.

¹⁾ Ibid. стр. 190.

²⁾ Ср. Шербюлье. „Новая теорія изящныхъ искусствъ“ перев. Калмыкова 1894 г. стр. 133 и др.

³⁾ А. Толстой, Іоаннъ Дамаскинъ.

разсужденій, всегда имѣющихъ слишкомъ общій и слишкомъ скучный характеръ, намъ хочется напомнить здѣсь одну прекрасную страничку у Достоевскаго, литературныя произведенія котораго служили и будутъ служить лучшими иллюстраціями въ дѣлѣ выясненія самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, затронутыхъ современною педагогикою. „Въ юности моей, рассказываетъ старецъ Зосима, давно уже, чуть не сорокъ лѣтъ тому, ходили мы съ отцомъ Анеимомъ по всей Руси, собирая на монастырь подаваніе, и заночевали разъ на большой рѣкѣ судоходной, на берегу съ рыбаками, а вмѣстѣ съ нами присѣлъ одинъ благообразный юноша... И вижу я, смотритъ онъ передъ собою умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая, теплая, іюльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается, свѣжитъ насъ, слегка всплеснетъ рыбка, птички замолкли, все тихо, благолѣпно, все Богу молится. И не спимъ мы только оба, я да юноша этотъ, и разговорились мы о красотѣ міра сего Божьяго и о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчела золотая, всё-то до изумленія знаютъ путь свой, *не имѣя ума, тайну Божію свидѣтельствуютъ*, непрерывно совершаютъ ее сами, и, вижу я, *разгорѣлось сердце милаго юноши*. Повѣдалъ онъ мнѣ, что лѣсъ любить, птичекъ лѣсныхъ; былъ онъ птицеловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку приманить умѣлъ: лучше того, какъ въ лѣсу, ничего я, говорить, не знаю, да и все хорошо. „Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо и великолѣпно, потому что все истина. Посмотри, говорю ему, на коня, животное великое, близъ человѣка стоящее, али на вола, его питающаго и работающаго ему, понураго и задумчиваго, посмотри на лики ихъ: какая кротость, какая привязан-

ность къ человѣку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая довѣрчивость и какая красота въ его ликѣ. Трогательно даже и это знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все совершенно, все кромѣ человѣка безгрѣшно, и съ ними Христость еще раньше нашего“. „Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ Христость?“ „Какъ-же можетъ быть иначе, говорю ему, ибо для всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листокъ устремляется къ слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вотъ, говорю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и свирѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный“. И рассказалъ я ему, какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спасавшемуся въ лѣсу, въ малой келійкѣ, и умилился надъ нимъ великій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подаль ему хлѣба кусокъ: „ступай, дескать, Христость съ тобой“, и отошелъ свирѣпый звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился юноша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что съ нимъ Христость. „*Ахъ, какъ, говоритъ, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно!*“ *Сидитъ, задумался тихо и сладко*. Вижу, что понялъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, безгрѣшнымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за него самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твѣсимвлюдыамъ“. Вотъ настроеніе юнаго ученика, вдумывающагося въ смыслъ красоты міра Божія и вотъ истинный народный учитель, уясняющій и вскрывающій внутренній смыслъ всего видимаго! Первый слушаетъ, чутко слушаетъ то, что скажетъ ему опытный собесѣдникъ при разъясненіи явленій видимаго міра, а послѣдній вскрываетъ

ему великую тайну бытія, вѣщающаго о Творцѣ... И подъ благотворнымъ воздействием мудраго наставника, разгорается сердце милаго юноши. „Ахъ, какъ, говорить онъ, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно!“.. А самъ сидитъ, задумался тихо и сладко...

И не одна тысяча дѣтей несомнѣнно задумается, задумается „тихо и сладко“, когда учитель сумѣетъ затронуть струны дѣтскаго сердца и „въ прекрасномъ“ укажетъ „вѣчное“... Стихнутъ и они и разгорится ихъ чистое сердце святыми чувствами... И поэтому долгъ каждаго учителя открыть, откинуть завѣсу окружающихъ явленій міра, чтобы дать возможность дѣтямъ видѣть за нею то, что предугадываетъ, что чувствуетъ и чего выразить не умѣетъ юная душа ихъ...

Но, къ сожалѣнію, тусклое пламя вѣры самого руководителя юношества часто бываетъ далеко недостаточно для того, чтобы онъ смогъ пролить въ душу подросткаго поколѣнія предвѣчное сіяніе. А иногда и совсѣмъ гаснетъ эта вѣра—гаснетъ у руководителей просвѣщенія, а за ними и у ихъ питомцевъ, а вмѣстѣ съ этимъ прекращается, разрушается „ростъ молодой души въ ея стремленіи къ идеалу“. И это послѣднее—не простое опасеніе лишь только возможнаго, а дѣйствительно переживаемое и, можно сказать, господствующее настроеніе, замѣтно проскользающее въ попутныхъ сужденіяхъ по вопросамъ о воспитаніи. „Умерщвлять душу—это любимое занятіе такъ называемыхъ „передовыхъ людей“; распространяя свое пагубное вліяніе путемъ печати, они считаютъ цѣль свою достигнутою, когда читатель, погрязшій въ омутѣ пессимизма и атеизма, въ безконечной благодати перестаетъ видѣть Бога, видитъ лишь одно зло безконечное“. Это справедли-

вое замѣчаніе оправдываетъ и связанное съ нимъ опасеніе, что наши дѣти станутъ, пожалуй, со временемъ на вопросъ: „кто сотворилъ небо и землю?“—отвѣчать, что „ни небо, ни вселенная сотворены не были, что первой причины нѣтъ, ибо все что научно доказано быть не можетъ—не имѣетъ бытія“¹⁾... Вѣдь внушали-же подобные мысли бѣдному Ліонелю. Вѣдь не хотѣли же окружающіе его, какъ говорить самъ Ліонель, чтобы онъ видѣлъ Бога въ красотѣ звѣзднаго неба и въ дивныхъ явленіяхъ природы, въ то время какъ онъ чувствовалъ, какъ вообще способны дѣти пророчески предугадывать и чувствовать сердцемъ, что есть Богъ, Тотъ Богъ, Который создалъ звѣзды и небо, и солнце, и море, и цвѣты, и всю красоту и въ Котораго хочется вѣрить...

И какъ, поэтому, отрадно, когда слышишь, среди всевозможныхъ толковъ о развитіи въ дѣтяхъ чувства прекраснаго, добрый призывъ честныхъ тружениковъ школы къ благоговѣнно-назидательному изслѣдованію явленій и красотъ Божьяго міра. Къ такому-то именно изученію природы, къ такому то вдумчивому отношенію къ ея красотамъ и призывалъ, между прочимъ, учителей школы опытный педагогъ, скромный татевскій труженикъ С. А. Рачинскій, слова котораго, какъ воспоминаніе о его свѣтлыхъ взглядахъ, мы и приводимъ въ годовщину его кончины... Рисуя желанную, но рѣдкую еще теперь въ дѣйствительности картину лѣтней дѣятельности школы, когда учитель можетъ всецѣло отдаваться свободной самодѣятельности, когда онъ ближе можетъ сойтись съ учениками на нравственной почвѣ,

¹⁾ Исторія дѣтской души. К. П. Побѣдоносцева.

покойный Сергѣй Александровичъ. между прочимъ, восклицаетъ: „по неистощимой милости Божіей, всякое новое лѣто приноситъ намъ тѣ же ненаглядныя красоты огненныхъ зорь, животворящихъ грозь, лѣснаго сумрака и пышнаго цвѣтенія луговъ. Но есть красоты иныя, имъ созвучныя, которыя обязанъ создавать человекъ; красоты бережнаго воздѣлыванія природныхъ богатствъ; красоты подъема духа до созерцанія окружающихъ насъ чудесъ, согрѣваніе сердець до радостнаго исповѣданія ихъ источника. Да станеть-же первою ступенію къ осуществленію всѣхъ этихъ красотъ скромная сельская школа, живая и зимою и лѣтомъ, какъ непрерывно жива осѣняющая ее Церковь!“¹⁾ Вотъ поистинѣ высокая задача школы, школы живой и дѣятельной, школы облагораживающей юную душу и содѣйствующей развитію нравственной личности своихъ питомцевъ путемъ развитія въ нихъ благоговѣйнаго чувства, при видѣ красоты окружающей природы. И какъ не походить этотъ призывъ къ „бережно-му“ воздѣлыванію природныхъ богатствъ въ цѣляхъ подъема духа до созерцанія окружающихъ насъ чудесъ, въ цѣляхъ согрѣванія сердець до радостнаго исповѣданія ихъ Источника, на призывъ къ *идеаламъ гуманизма* тѣхъ, которые хотя и восхищаются красотами природы, но въ существѣ дѣла не хотятъ приподнять завѣсу и вскрыть Первопричину ихъ, не хотятъ повѣдать юному поколѣнію о высшихъ идеалахъ, чѣмъ современный гуманизмъ... Нѣтъ, это недалновидные цѣнители красоты и ненадежные воспитатели въ дѣтяхъ чувства прекраснаго. Хотя они и постигаютъ проблески кра-

соты природы, но въ существѣ дѣла о нихъ можно сказать словами поэта, что животворные

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была¹⁾...

И несомнѣнно, не одна сотня дѣтей скажетъ, конечно каждый своимъ языкомъ, такимъ руководителямъ просвѣщенія то-же самое, что говорилъ когда-то въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ профессору ненаученный имъ постигать въ красотахъ любящаго и добраго Бога мальчикъ Ліонель: „Дорогой профессоръ!.. я чувствую, что учиться, не зная, для чего учишься, это меня только-бы измучило... Понятно, что каждому важнѣе всего узнать хоть что нибудь о Богѣ... Много я обо всемъ этомъ думалъ, и вотъ теперь, когда ушла отъ меня моя мама, когда умерла милая, маленькая Жесмина, мнѣ стало какъ-то еще страшнѣе постоянно слышать, что есть только Атомъ, которому до всего все равно... Я не хочу этому вѣрить... и я хочу теперь пойти къ Богу—Онъ объяснитъ мнѣ все то, что здѣсь никто мнѣ объяснить не хочетъ... Меня не удивитъ, если я нынче же *найду* Его—потому что, вотъ въ эту самую минуту, я такъ чувствую Его близость... Вы знаете, дорогой профессоръ, что ученые книги, которыя мы вмѣстѣ изучали, всѣ полны противорѣчія—однѣ утверждаютъ одно, другія другое, третьи и то и другое опровергаютъ... Милый, милый профессоръ, подумайте хорошенько объ этомъ и не рѣшайте окончательно, что есть только Атомъ... Итакъ, прощайте, милый, дорогой профессоръ. Если будете опять учить маленькихъ мальчиковъ, мнѣ кажется, что всего лучше было-бы вамъ научить ихъ *вѣровать въ Бога*—

¹⁾ Церковно-Приходская школа, т. I-й, 1899 г. стр. 139—140.

¹⁾ Тютчевъ.

въ Бога, Который все создалъ и всѣхъ любить и Самъ откроетъ намъ въ свое время великую тайну творенія—тогда насколько радостиѣе жилось-бы имъ! Конечно, вамъ надо это все хорошенько обдумать, но все-же, ради мѣня, не забудьте это, когда начнете учить другого мальчика—пусть не будетъ онъ такой несчастный, какъ я!“...

Да, быть можетъ это рѣдкій дѣтскій языкъ, но это несомнѣнно постоянная дѣтская мысль. Дѣти любятъ приподымать завѣсу таинственнаго и имъ нужно бережно открывать ее, чтобы неосторожными сужденіями, характеризующими направленіе современной либеральной мысли, не извратить ихъ незапятнаннаго образа мышленія.

Теперь весна. Дѣятельно, необыкновенно дѣятельно совершается пробужденіе природы. Тихіе вечера, звѣздныя ночи, розовыя зори, пріятный запахъ молодой зелени, несомлкаемая трель залетныхъ птичекъ... Сельская школа еще не распушена. Среди школяровъ и учитель... Онъ не можетъ, конечно, мечтать о какихъ-либо образовательныхъ средствахъ для изученія искусства, для развитія чувства пре-

краснаго, о чемъ мечтають теперь свѣтскія среднія и даже низшія школы... Но пусть онъ воспользуется тѣмъ, что у него есть подъ руками. А у него очень много: прекрасная, въ своемъ убранствѣ, природа. Она вдохновляла поэтовъ, художниковъ и мыслителей—она первообразъ искусства. Она вдохновитъ, несомнѣнно, и чуткаго руководителя дѣтей. И лѣсъ, и поле, и лугъ, и долина, и багрянецъ вечерняго заката, и розовая зорька восходящаго солнца, и строеніе букашки, и стебелекъ цвѣтка—все это дастъ ему нескончаемыя темы и для развитія чувства прекраснаго, и для благоговѣйнаго преклоненія предъ Творцемъ, дивнымъ въ Своихъ твореніяхъ. И онъ увидитъ, несомнѣнно увидитъ, какъ задумчиво останоятся глазенки дѣтей и пойметъ, что онъ полною горстью бросаетъ на плодотворную почву дѣтскихъ сердець добрыя сѣмена. И его школа развивая чувство прекраснаго, несомнѣнно сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ и притворомъ того храма, въ который они ходятъ съ своими скорбями и радостями...

Димитрій Введенскій.

ЧТО И КАКЪ ЧИТАТЬ НАШЕЙ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛКѢ?

(Продолженіе) ¹⁾.

II.

Каковы-же собственно цѣли дѣльнаго, серьезнаго чтенія?—На этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта, какъ только тотъ, что цѣлью такого чтенія должно быть возможное самосовершенствованіе человѣка во всѣхъ областяхъ духовной, семейной и общественной жизни. Хорошее, подни-

мающее и возвышающее душу чтеніе непременно ведетъ къ добрымъ мыслямъ и поступкамъ, что составляетъ уже конечную цѣль серьезнаго чтенія...

Серьезное чтеніе, поэтому, не забава и не развлеченіе: пустяшную книжку пріятно читать, но она растлѣваетъ душу. Надъ хорошей, серьезной книгой приходится иногда и поскучать,

¹⁾ См. № 16.

и поломать голову и обратиться за разъясненіемъ къ кому-либо, зато польза отъ такого чтенія вполнѣ вознаграждаетъ эти усилія...

Серьезное чтеніе представляетъ также весьма удобную почву для духовнаго сближенія завѣдывающаго школой и учителя. Въ деревнѣ такъ мало интеллигентныхъ людей, а тѣ, которые работаютъ теперь въ деревнѣ, дѣйствуютъ въ большинствѣ случаевъ такъ разрозненно, что духовное сближеніе интеллигентовъ въ нашъ знаменательный историческій моментъ въ особенности желательно. Въ данномъ случаѣ руководственнымъ лицомъ, конечно, является священникъ, какъ человѣкъ, несравненно болѣе учителя развитой и образованный, владѣющій главнѣйшимъ въ мірѣ знаніемъ, — именно богословскимъ. Въ нашей богословской литературѣ имѣется масса общедоступныхъ изданій, рассчитанныхъ на средняго читателя. Подробный списокъ наиболѣе рекомендуемыхъ книгъ можетъ быть составленъ только специалистами, и если-бы такой списокъ съ извѣстными поясненіями существовалъ, — онъ значительно облегчилъ-бы приобрѣтеніе богословскихъ знаній людьми непосвященными.

Вообще, чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія должно быть у всякаго учителя на первомъ планѣ. Сельскіе грамотеи, какіе теперь часто попадаютъ въ нашихъ деревняхъ и селахъ, иногда любятъ обращаться къ учителю, какъ къ человѣку знающему, со всякими вопросами религіозно-нравственнаго характера. Если учитель желаетъ пользоваться любовью и уваженіемъ въ средѣ крестьянъ, — онъ долженъ быть вполнѣ подготовленъ къ такимъ вопросамъ... Кромѣ того, — какъ никакъ, а умирать придется каждому, передъ этимъ неизбѣжнымъ

фактомъ пасуютъ всѣ людскія самомишнія, самовозвеличенія и проч. Предъ лицомъ смерти всѣ земные „божки“ кажутся лишь мелкими букашками; взамѣнъ ихъ, изъ глубины души властно поднимаются вѣчные вопросы бытія, истины религіи... Въ такія минуты душа ощущаетъ самоё себя и свою вѣчную жизнь съ поразительной реальностью, — и блаженъ тотъ, въ чьей душѣ прочно начертаны такія мгновенія!..

Серьезное богословское чтеніе, расширяя и углубляя мысль, воспитывая волю и чувство, отвѣчаетъ именно на самые важные, самые неизбѣжные, самые глубокіе и самые возвышенные запросы души человѣческой. Это чтеніе говоритъ лишь „о единомъ на потребу“, т. е. о томъ, что дѣлаетъ человѣка существомъ, созданнымъ по образу и подобию Божію; оно, наконецъ, служитъ для приумноженія тѣхъ духовныхъ сокровищъ, которыхъ, по словамъ св. Евангелія, „тати не подкапываютъ и не крадутъ“... Только обладаніе такими сокровищами и строгое самоограниченіе могутъ сдѣлать счастливымъ даже бѣдняка, годичный бюджетъ котораго не превышаетъ 100—150 рублей. И въ самомъ дѣлѣ: все можетъ быть потеряно, все могутъ отнять у насъ, кромѣ сокровищъ душевныхъ: глубокой, непоколебимой вѣры, живой, искренней любви къ Богу и ближнимъ, свѣтлыхъ знаній, высокихъ думъ и чувствъ, горячаго, отзывчиваго на горе ближняго сердца, душевной красоты и смиренія, сострадателности къ угнетеннымъ и обездоленнымъ, неискоренимой жажды и привычки труда и проч.

Сельскій учитель работаетъ въ самой бѣдной, самой угнетенной жизни, средѣ. И великое благо сдѣлаетъ онъ, если разъяснитъ опытомъ соб-

ственной жизни, въ чемъ истинное счастье.

Послѣ богословскаго чтенія на первомъ планѣ стоитъ для учителя чтеніе педагогическихъ книгъ и пособій. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе значенія и пріемовъ этого чтенія (эти вопросы основательно рѣшаются краткосрочными педагогическими курсами для учителей всѣхъ категорій), я позволю себѣ указать на тѣ книги и журналы, которые я находилъ полезными для себя. Вотъ приблизительный списокъ такихъ педагогическихъ изданій: 1) Учитель, Миропольскаго. 2) Сельская школа, С. А. Рачинскаго. 3) Учебникъ дидактики, Миропольскаго. 4) Педагогика, К. Ельницкаго. 5) Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія, его-же. 6) Методика русскаго языка, Д. Тихомирова. 7) Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія, его-же. 8) Ключъ къ преподаванію ариѳметики въ церковно-приходскихъ школахъ, Ѳ. Егорова. 9) Методика ариѳметики, Т. Лубенца. 10) Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, К. Ушинскаго (въ сокращенномъ изложеніи Сентъ-Илера и Модзалевскаго). 11) Записки по методикѣ русскаго языка, Солонина. 12) Методическія указанія по объяснительному чтенію, Зелинскаго. 13) Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій, Ф. Васильевскаго. 14) Методика школьной дисциплины, Ѳаворскаго. 15) Выразительное чтеніе, В. Острогорскаго. 16) Теорія словесности Бѣлоруссова или П. Смирновскаго.

Въ общей суммѣ эти книги вмѣстѣ съ доставкой и пересылкой стоятъ около 15 р. Положивъ на каждый годъ по пяти рублей, учитель сможетъ приобрѣсть всѣ эти книги въ три года; а пять рублей—не особенно боль-

шой расходъ для нынѣшняго сельскаго учителя, получающаго не менѣе 200 р. въ годъ и не обремененнаго семействомъ, какихъ большинство.

Изъ педагогическихъ журналовъ наиболѣе полезны для учителя: „Народное Образование“ (С.-Петербургъ) „Церковно-приходская школа“ (Кіевъ) и „Божія Нива“.

Что же касается произведеній нашей изящной словесности, особенно увлекающихъ полуобразованныхъ читателей, то здѣсь надобно быть особенно осмотрительнымъ. — Современная изящная литература, какъ упомянуто, заражена. Но есть въ ней и свѣтлыя страницы, которыя принадлежатъ писателямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ принято называть ихъ въ литературѣ. Люди высокообразованные, истинные сыны родной земли, преданные ея интересамъ до самозабвенія, люди безусловно искренніе, широко-гуманные, съ самыми свѣтлыми и чистыми стремленіями, эти писатели стремились проводить въ сознаніе массъ высшія истины христіанства... Рыцарски честное отношеніе къ слову, неподкупная правдивость и искренность, доходившая до покаяннаго самобичеванія, безавѣтная преданность идеалу, глубокая религіозность,—все это приближало упомянутыхъ писателей къ народной правдѣ, и давало имъ неотъемлемыя права на званіе „народныхъ“ писателей въ лучшемъ значеніи этого слова. Таковы: Пушкинъ, Жуковский, Загоскинъ, Гоголь, Достоевскій, Аксаковъ, Кольцовъ, Козловъ, Крыловъ, отчасти Тургеневъ, Дельвигъ, Веневитиновъ, Баратынскій и мн. другіе. Знакомство съ этими писателями можетъ весьма благотворно отозваться на читателѣ, который склоненъ мыслить болѣе образами, чѣмъ отвлеченно.....

Переходимъ затѣмъ къ чисто-спеціальному отдѣлу чтенія, именно къ чтенію по сельскому хозяйству.—Этотъ отдѣлъ вообще находится въ нашихъ сельскихъ школахъ въ совершенномъ забросѣ. Вліяютъ тутъ разныя причины, но главная изъ нихъ это—незнакомство самихъ учителей съ лучшими и практически примѣнимыми способами и приѣмами культурнаго хозяйства, а также и совершенное отсутствіе при многихъ школахъ хотя-бы самыхъ незначительныхъ земельныхъ участковъ, гдѣ-бы учителя имѣли возможность примѣнять свои теоретическія свѣдѣнія...

Время отъ времени, мы задаемъ воспитанникамъ вопросы, имѣющіе такое или иное отношеніе къ центральному вопросу: „какъ-бы я хотѣлъ устроить свою жизнь?“—(Тутъ мы слѣдовали примѣру Татевской школы).—И громадное большинство воспитанниковъ (болѣе 65⁰/о), кромѣ задатковъ и стремленій, подмѣченныхъ еще незабвеннымъ педагогомъ, С. А. Рачинскимъ, единодушно высказывали желаніе обзавестись въ будущемъ хоть небольшимъ, но *образцовымъ*, хозяйствомъ... У иныхъ воспитанниковъ отношеніе къ этому воображаемому хозяйству носить какой-то особенно трогательный, наивно-идиллическій характеръ.

„Я очень люблю хозяйство“,—пишетъ одинъ изъ младшихъ питомцевъ:—„люблю, какъ мычить корова, какъ блеетъ овечка, какъ кудахчуть и гогочуть куры, гуси, утки, какъ бѣгаютъ маленькіе хорошенькіе цыплята“...

„Я желалъ-бы послужить нѣсколько лѣтъ учителемъ,“—пишетъ другой:—„сложить много денегъ и купить хоть три-четыре десятины плодородной

земли, чтобы завести себѣ хорошее хозяйство“.

Эти заявленія воспитанниковъ, крестьянъ по происхожденію, очень характерны и знаменательны. Нашъ сельскій народный учитель тогда можетъ быть постояннымъ и прочнымъ членомъ сельскаго общества, когда онъ будетъ имѣть хотя-бы самый незначительный земельный надѣлъ, и будетъ трудиться, самъ въ ряду крестьянъ—обывателей. Жить въ селѣ или деревнѣ и не принимать участія въ земледѣльческихъ трудахъ крестьянскаго населенія такъ-же нелѣпо и бессмысленно, какъ служить писаремъ и не умѣть писать: вѣдь въ хозяйствѣ—почти весь крестьянинъ безъ остатка. Крестьянское хозяйство въ данное время переживаетъ критическій моментъ: старая, хищническая хозяйственная система вступаетъ въ открытую борьбу съ новыми, культурными способами веденія хозяйства, и вовсе не безразлично, когда борьба эта закончится побѣдою новыхъ началъ...

Наши сельскіе учителя могли-бы много содѣйствовать ускоренію этого мучительнаго процесса, но лишь при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ: 1) чтобы учительскія школы, наравнѣ съ другими знаніями, давали-бы и элементарныя практическія свѣдѣнія по сельскому хозяйству: для дѣльной постановки образцоваго пракческаго хозяйства у нихъ не имѣется пока средствъ,—и 2) чтобы воспитанники этихъ школъ, по окончаніи курса, назначались на учительскія мѣста непремѣнно въ свои-же села или деревни, гдѣ у нихъ имѣется собственная полоска, свой огородъ, свой садикъ, своя скотинка... Учитель, слоняющійся въ лѣтнее время безъ дѣла, возбуждаетъ къ себѣ со стороны крестьянъ насмѣшки и презрѣніе; въ особенности тяжело

чувствуетъ себя учитель изъ крестьянъ. „Нашъ-же братъ—мужикъ, а ра-

ботать—поди—стыдится“,—говорять о такомъ учителѣ крестьяне.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Учит. *Стефанъ Козубовскій.*

ПЕЧАЛЬНАЯ ГОДОВЩИНА.

Памяти незабвеннаго Сергѣя Александровича Рачинскаго.

Минулъ годъ, какъ не стало великаго труженика нивы Божіей—нашей церковной школы, Сергѣя Александровича Рачинскаго... Помолимся, дорогіе читатели, объ упокоеніи его доброй, любящей души въ день его кончины, 2-го мая. Пусть помолятся и дѣти, ученики нашихъ церковныхъ школъ, о рабѣ Божіемъ бояринѣ Сергѣи. Скажите имъ, кто былъ Сергѣй Александровичъ, скажите, что это былъ „добрый баринъ“, всей душою любившій крестьянскихъ дѣтокъ, это былъ человекъ ученый, знаменитый,—но ради крестьянскихъ дѣтей онъ навсегда покинулъ Москву, уѣхалъ въ свою родную деревню, поселился тамъ въ сельской школѣ и сталъ учить деревенскихъ ребятъ, и училъ цѣлыхъ 25 лѣтъ, училъ по православному, въ страхѣ Божіемъ, въ любви къ Церкви-матери, и изъ учениковъ его много—много вышло добрыхъ людей: стали они священниками, діаконами, учителями, художниками... Онъ самъ насчитывалъ однихъ учителей изъ своихъ учениковъ до полусотни... Счастливы были эти его ученики!.. Какъ имъ тепло и уютно жилось подъ крылышкомъ своего добраго учителя, Сергѣя Александровича!.. Какъ отечески заботливо относился онъ къ ихъ дальнѣйшей судьбѣ!.. Кажется, онъ глазъ не спускалъ съ своихъ птенцовъ татевскихъ, куда

бы судьба ни занесла ихъ, писалъ имъ сотни, тысячи писемъ, входилъ во всѣ мелочи ихъ жизни... И какъ радовался, когда слышалъ о нихъ добрые отзывы, читалъ ихъ письма, извѣщающія объ ихъ успѣхахъ... Поистинѣ это была апостольская радость: *больши сея не имамъ радости, да слышу моя чада во истинѣхъ ходяща* (3 Іоан. 4).

Скажите дѣткамъ, что это былъ добрый послушный сынъ своей матери, которая такъ отзывалась о немъ: „никогда въ жизни Сергѣй не причинилъ мнѣ никакого огорченія“. Вотъ прекрасный примѣръ для всѣхъ дѣтей, и для бѣдныхъ, и для богатыхъ, и для знатныхъ и для незнатныхъ... Поистинѣ—всѣмъ прикладный примѣръ!..

Разскажите имъ, какъ онъ, будучи еще ребенкомъ, вошолъ наканунѣ Троицына дня въ одинъ московскій храмъ, ярко освѣщенный весеннимъ солнцемъ, весь украшенный березками, цвѣтами, травой, храмъ, особенно торжественный въ своей таинственной тишинѣ, ибо служба еще не начиналась—какъ глубоко запечатлѣлось въ душѣ его, въ его нѣжномъ дѣтскомъ сердечкѣ благоговѣніе къ святынь храма Божія, и съ какою любовью онъ потомъ въ глубокой старости вспоминалъ объ этомъ дѣтскомъ впечатлѣніи отъ святыни...

Да, Сергѣй Александровичъ, какъ

пишетъ о немъ одинъ его почитатель и нѣкоторое время сотрудникъ ¹⁾, всю жизнь былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ, и притомъ искренне-церковнымъ. „По его словамъ, онъ не переживалъ тяжелыхъ кризисовъ сомнѣнія. Его вѣра свѣтила ему всю жизнь. Съ годами его церковное настроеніе сдѣлалось еще болѣе глубокимъ, еще болѣе рѣшительнымъ“.

Блаженъ, кто въ простотѣ сердца слушается своей совѣсти: въ самомъ ничтожномъ по видимому обстоятельстве онъ потомъ признаетъ перстъ Божій, указующій ему жизненный путь. Въ самомъ дѣлѣ: какъ Сергій Александровичъ сталъ сельскимъ учителемъ? Однажды, совсѣмъ случайно, во время прогулки, онъ зашелъ въ сельскую школу въ своемъ родномъ Татевѣ, попалъ на урокъ ариѳметики, показавшійся ему необыкновенно скучнымъ, попробовалъ самъ дать урокъ, стараясь сдѣлать его болѣе интереснымъ и жизненнымъ—и этимъ опредѣлилась вся его дальнѣйшая судьба. Въ этомъ по видимому самомъ обыденномъ явленіи онъ какъ бы сердцемъ почувялъ указаніе свыше и со смиреніемъ принялъ это указаніе, не мудрствуя, не задаваясь далекими планами, не фантазируя, а дѣлая то, чего требовала его совѣсть. Думалъ ли онъ, что его школа станетъ рассадникомъ другихъ школъ, можно сказать—идеаломъ для всѣхъ церковныхъ школъ? Нимало... Онъ просто рѣшилъ отдать ей свои досуги, и сталъ дѣлать это добросовѣстно, и чѣмъ далѣе дѣлалъ, тѣмъ сердечнѣе отдавался святому дѣлу, тѣмъ болѣе открывалъ въ немъ духовныхъ красотъ дѣтской души, а Господь это скромное его дѣланіе обра-

тилъ въ великое и важное служеніе всему Русскому народу. Не такъ ли и съ Апостолами было? Пошли они рыбу ловить, услышали зовъ Христа Спасителя, въ простотѣ сердца пошли за Нимъ и стали Его учениками, и уловили потомъ въ свои мрежи всю вселенную... Не мечты о широкой дѣятельности, не заранѣе придуманныя программы, а смиренное послушаніе Божьей волѣ, скромное, въ простотѣ сердца, исполненіе долга, неуклонное исполненіе того, чего требуетъ совѣсть *въ данную минуту*—вотъ вѣрное условіе успѣха во всякомъ общественномъ служеніи, вотъ вѣрный путь служить ближнему *такъ, какъ хочетъ сего отъ насъ Богъ*, а не какъ мечтали бы мы сами... Глубокое хрістіанское смиреніе, полное сознаніе нашего безсилія въ порученномъ намъ дѣлѣ, и вслѣдствіе этого—постоянное обращеніе нашего ума и сердца къ Богу, съ показаніемъ Ему нашей, немощи въ дѣлѣ, отъ Него же намъ порученомъ,—вотъ что нужно для успѣха въ дѣлѣ Божіемъ. „Все мѣняется, писалъ Сергій Александровичъ, очевидно по собственному опыту, все мѣняется, какъ только мы приложимъ сердце и руку къ... дѣйствительности, въ полномъ сознаніи своего безсилія, безъ малѣйшей надежды на успѣхъ, а именно *Бога для*, во исполненіе *Его* святой воли. Тотчасъ почувствуемъ мы, съ убѣдительною непрерываемою, съ ясностью непосредственного зрѣнія, что черезъ насъ и за насъ дѣйствуетъ Нѣкто, неизмѣримо сильнѣйшій, творитъ нѣчто лучшее, чѣмъ то, что мы могли предположить и предпринять“. Вотъ золотыя, святыя слова, достойныя быть начертанными на скрижаляхъ сердца всѣхъ, кто воспріялъ отъ Бога то или иное „послушаніе“ служить благу ближня-

¹⁾ Н. М. Горбовъ. Журналъ Министерства Нар. Просв. 1902 г. статья: „С. А. Рачинскій“.

го, будетъ ли то служеніе общественное по званію и положенію, или же свободно, по внутреннему призванію творимое, какъ творилъ это послушаніе Божьей волѣ покойный Сергѣй Александровичъ.

Черезъ 20 лѣтъ послѣ начала учительской дѣятельности Сергѣя Александровича, въ школахъ, содержимыхъ частью на его средства, частью имъ руководимыхъ, но въ которыхъ во всѣхъ учили или его ученики, или выбранные имъ учителя, было около 1000 учениковъ. Онъ понялъ великую тайну общенія душъ помимо всякихъ социальныхъ отношеній, помимо общественнаго положенія, въ области, которая была выше всякихъ условностей, жизни „въ высшихъ сферахъ духовной жизни, какъ онъ самъ говорилъ, въ сферахъ религіи, искусства, нравственнаго совершенствованія“,—и предъ нимъ открылись такія духовныя сокровища во всѣхъ этихъ „Ваняхъ и Митяхъ“, какихъ онъ не согласился бы промѣнять на всѣ блага міра—не говоримъ уже матеріальныя, но и высококультурныя, хотя бы это была всемірная извѣстность въ области научныхъ знаній... „Я думаю, говорить г. Горбовъ, что только по незнанію можно удивляться школьной жизни Рачинскаго. Въ дѣйствительности же она была совершенно понятна и естественна, ибо вель ея человѣкъ, который неоднократно высказывалъ—и съ полнымъ правомъ—желаніе, что-

бы на могильномъ его камнѣ были начертаны слова:

Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“.

Будемъ же крѣпко помнить, для собственнаго блага, для успѣха святаго дѣла, Богомъ намъ ввѣреннаго, для пользы роднаго намъ народа, и для спасенія собственной нашей души, завѣтъ Рачинскаго: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ. „Бодрость и радость и миръ на трудномъ поприщѣ добра невозможны лишь тому, кто... не сознаетъ себя членомъ великаго вѣчнаго цѣлаго, той Civitatis Dei, въ коей есть мѣсто, и смыслъ и похвала всякому, самому темному подвигу, ободреніе всякой немощи, награда земная и надежда небесная“. По мысли Сергѣя Александровича, все воспитаніе русское есть участіе въ совершеніи Христова дѣла на землѣ, въ строительствѣ всемірной Церкви Христовой. Благодаря этому всѣ учителя, кто бы они ни были, если только они понимаютъ свою задачу, свое положеніе, должны сознавать себя членами Civitatis Dei, „града Божія“, и, дабы войти въ полноту своихъ обязанностей, должны стать иными людьми, возрасти духовно“. И потому „учительство въ Русской сельской школѣ не есть ремесло, но призваніе, ниспая степень того призванія, которое необходимо, чтобы сдѣлаться хорошимъ священникомъ“.....

Архим. Нинонъ.

ПАМЯТИ С. А. РАЧИНСКАГО.

Разсѣялись тучи, прошла непогода,
 Теплою ужъ повѣяло въ насъ,
 И ожила, счастьемъ блеснула природа...

Но умерь ты, другъ и учитель народа,
Твой геній на вѣки угась!..

Ты умерь, пѣвецъ нашей школы народной,
Печальникъ и геній ея!

Ты умерь... Но сѣвь твой на почвѣ бесплодной
Растеть и множится успѣшно, свободно

И зрѣть ужь нива твоя.

И всякій, кто истинной любить любовью

Россію и Русскій народъ,

Кто жертвовать можетъ и жизнью и кровью,

Тотъ свѣтлый вѣнокъ къ твоему изголовью,

Достойному, въ даръ принесеть.

Гурьевъ.

ИСКРЕННОСТЬ И ЛЮБОВЬ, КАКЪ ОСНОВЫ ВОСПИТАНІЯ.

Изъ писемъ Рачинскаго къ И. В. Арсеневу ¹⁾.

Татеву, 6 Октября 1889 г.

Дорогой Иванъ Васильичъ,

Нѣтъ худа безъ добра. 1-го Октября я сильно заболѣлъ—повидимому, острымъ воспаленіемъ кишокъ — пять дней пролежалъ, а сегодня еле брожу—но такъ слабъ, что учить не могу. За то имѣю время, хоть вкратцѣ, отвѣчать на массу писемъ, полученныхъ мною, между прочимъ и на ваше дорогое письмо, которое мнѣ было бы больно оставить долго безъ отвѣта.

Вы просите у меня совѣтовъ насчетъ вашего преподаванія. Увы! науками, преподаваемыми вами, я никогда не занимался. Одна изъ нихъ—Практическое руководство для пастырей—даже

болѣе, чѣмъ наука: это жизненный итогъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ Семинаріи. По этому предмету имѣлъ бы право давать вамъ совѣты только опытный *пастырь* въ смыслѣ духовномъ, а не только педагогическомъ. Но вы совершенно правы, соединяя съ этимъ вопросомъ—вопросъ о вашемъ нравственномъ вліяніи на вашихъ учениковъ. Дѣйствительно, это ваше вліяніе и будетъ лучшею, существенною частію вашего преподаванія по этому предмету. По незнанію моему въ этихъ вещахъ, долженъ ограничиться сообщеніемъ вамъ отрывочныхъ мыслей, приходящихъ мнѣ въ голову по поводу вашего письма.

Думается мнѣ, что доброе вліяніе учителя на учащихся, пастыря на пасомыхъ, зависитъ не столько отъ приложенія тѣхъ или другихъ приемовъ, подлежащихъ точному опредѣленію, сколько отъ степени вниманія, искренности и любви, какую вноситъ въ свое дѣло пастырь и учитель. Всего нужнѣе для него — быть тѣмъ, чѣмъ

¹⁾ Приносимъ благодарность почтенному о. И. В. Арсеневу за доставленіе этого письма С. А.—ча Рачинскаго. Хотя оно спеціальнаго отношенія къ церк.-прих. школамъ и не имѣетъ, однакоже руководители школьнаго дѣла, оо. завѣдующіе, законоучители и учителя, найдутъ въ немъ очень цѣнныя указанія на то, что составляетъ главную основу *всякаго* учительства.

онъ желаетъ сдѣлать своихъ учениковъ, своихъ пасомыхъ. Это по части искренности.

Вниманія въ особенности требуетъ безконечное разнообразіе паствъ, учащихъ группъ. Молодые люди подвергаются многообразнымъ, часто мѣняющимся вѣяніямъ, подчасъ весьма частнымъ и мѣстнымъ. Одинъ классъ въ нравственномъ отношеніи часто рѣзко отличается отъ другаго по простымъ случайностямъ личнаго состава. Въ этихъ различіяхъ необходимо отдавать себѣ отчетъ, не упускать ихъ изъ виду при учительской и пастырской работѣ. Разумѣется, первыя усилія должны быть направлены противъ пороковъ и слабостей, наиболѣе распространенныхъ, и поэтому грозящихъ быстро разростись и сдѣлаться общими, черезъ заразу взаимнаго примѣра, черезъ притупленіе извѣстныхъ сторонъ сознанія и совѣсти, черезъ ослабленіе извѣстныхъ пружинъ воли... Не могу, по этому поводу, не напомнить вамъ о пьянствѣ, этой язвѣ и проклятіи нашего духовенства, этой позорной цѣпи, связывающей по рукамъ и ногамъ большинство нашихъ пастырей...

Но сохрани Богъ остановиться на одной отрицательной дѣятельности!

Если мы *любимъ* нашихъ учениковъ, нашихъ пасомыхъ, то не будемъ имѣть покоя, пока не возбудимъ въ нихъ дѣятельное добро, не подвинемъ ихъ къ доброй дѣятельности: это—лучшая единственная ограда отъ зла и порока.

Возвращаясь къ примѣру, который теперь у меня постоянно передъ глазами, вслѣдствіе внезапнаго расширенія моего общества трезвости. Недостаточно избавить челоуѣка отъ пьянства, нужно возбудить въ немъ стремленіе оказать ту же услугу ближнему.

Вотъ въ чемъ глубокой нравственный смыслъ обществъ трезвости, ихъ преимущество надъ индивидуальными усиліями въ этой области. Такъ и во всемъ прочемъ. Упражняйте волю не только въ воздержаніи отъ зла, но и въ добромъ дѣланіи. Это придаетъ духу бодрости, и вмѣстѣ научаетъ смиренію—ибо дѣлать добро труднѣе, чѣмъ избѣгать зла.

Что касается гомилетики, замѣчу только одно. Главною причиною неудовлетворительности нашей церковной проповѣди кажется мнѣ слѣдующая. Она не сопровождается пастырскою дѣятельностію частною, домашнею. Священники *не знаютъ* духовнаго уровня своихъ пасомыхъ, и поэтому въ церкви говорятъ имъ не то, и не такъ...

Пишу безсвязно, быть можетъ, неясно. Простите меня. Я еще очень слабъ. Напишу фразу, и прилягу. Я упомянулъ о массѣ писемъ, сыплющихся на меня со всѣхъ концовъ Россіи. Благодареніе Богу! Между ними не мало писемъ отъ священниковъ, отъ учащихся и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ. Въ одной казанской учит. Семинаріи членовъ моего общества—87. Доживу ли я до чего либо подобнаго въ учебномъ заведеніи духовномъ! Во всякомъ случаѣ, и въ вашей средѣ умножается число моихъ помощниковъ. Не поможете ли и вы?

Да хранить васъ Богъ. Въ другой разъ напишу потолковѣе.

Любящій Васъ С. Рачинскій.

Несказанно радуется меня, что вамъ поручено руководить церковными чтеніями. Знаю, что вы понимаете всю великую важность этого дѣла и поставите его на должную степенъ сознательности, благоговѣйности и красоты.

ПИСЬМА С. А. РАЧИНСКАГО КЪ Г. А. ТАТЕВУ.

(Продолженіе) ¹⁾.

44.

Татеву, 21 Февр. 1888 г.

Милый другъ Егоръ.

Владиміръ Александровичъ скончался 17-го Февраля, послѣ долгихъ и жестокихъ мученій, которыя онъ перенесъ съ изумительнымъ терпѣніемъ и твердостью...

Цѣлый вѣкъ не писалъ я тебѣ, и не смотря на то, ты извѣщалъ меня о своемъ житьѣ-бытьѣ. Благодарю тебя отъ души. Письма твои доставляютъ мнѣ сердечную радость. Вижу, что твоя жизнь слагается хорошо, людямъ въ пользу, Богу во славу. Особенно порадовала меня поѣздка къ тебѣ твоей матери. Все, что мнѣ удалось сдѣлать для каждаго изъ васъ, было бы ничѣмъ—хуже того, было бы зломъ, если бы перемѣна среды повлекла за собою нарушеніе или ослабленіе священныхъ узъ семейныхъ... Еще болѣе полюбилъ я за это добрѣйшую Софью Михайловну, за то, что она полюбила твою мать.

Тяжкое время пережили мы всѣ, и для меня оно тяжело вдвойнѣ, ибо многое упущено по школьному дѣлу: всю эту зиму я жилъ въ домѣ, почти не могъ посѣщать прочихъ школъ—а онѣ размножились и разрастаются. Не знаю, какъ буду справляться впереди: силы мои убываютъ, обязанности, школьныя и семейныя, прибываютъ и осложняются.

Да хранить тебя Богъ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

45.

Татеву, 18 Мая. 1888 г.

Отъ души поздравляю тебя, дорогой Егоръ, съ новорожденнымъ. Дай Богъ, чтобы это письмо застало и его, и Софью Михайловну, въ полномъ здоровьи.

Школа начинаетъ наполняться лѣтними жильцами—но занятія еще не склеились, ибо я еще развѣзжаю по экзаменамъ, которые нынѣшнею весною особенно удачны.

Романъ вызванъ въ Смоленскъ для посвященія въ діаконы (при Кострицкой церкви)—по желанію о. Андрея.

Заботъ и хлопотъ много. Въ другой разъ напишу подробнѣе.

Да хранить тебя Богъ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

46.

Татеву, 11 Нояб. 1888 г.

Милый другъ Егоръ,

Очень радъ былъ узнать изъ твоего письма, что здоровье твое поправилось. Смотри же, береги его.

Очень радъ я также тому, что тебѣ нынѣ приходится преподавать Русскую Исторію. Это дастъ тебѣ случай значительно, и въ высшей степени полезно для тебя,—расширить свое образованіе. Конечно, на первыхъ порахъ, тебѣ придется держаться довольно рабски принятыхъ у васъ учебниковъ.

Но мало по малу собственныя твои чтенія дополняютъ и оживляютъ эту канву. Есть-ли у тебя собственныя книги по русской исторіи, и какія?

Совѣтовъ давать не берусь, будучи самъ мало опытенъ въ этомъ дѣлѣ, не зная ни объема преподаванія, ни отведеннаго на него времени. У тебя

¹⁾ См. № 11, 12, 13, 14, 15 и 16.

подъ руками гораздо лучшей совѣт-
никъ, Н. И. Субботинъ.

Труднѣе тебѣ будетъ осмотрѣться
въ исторіи всеобщей. Но ознакомиться
съ этою совершенно новою областію
знанія будетъ для тебя особенно по-
лезно.

Я начинаю поправляться. Даю по
два часа уроковъ въ день въ школъ,
но еще живу въ домѣ. Почти все время
мое уходитъ на громадную переписку,
вызванную моею статьею о трезвости.
Въ числѣ корреспондентовъ—множе-
ство священниковъ, заводящихъ обще-
ства трезвости въ своихъ приходяхъ.

Очень благодаренъ тебѣ за твои за-
боты о Леоновѣ. Дай-то Богъ намъ
его вразумить и направить на истин-
ный путь!

Ты видишь, какъ я спѣшу. Съ этой
почтою нужно отправить до 25 писемъ!

Сегодня получилъ письмо отъ Кор-
нея—зашевелились и въ Глуховѣ, и
хотятъ открыть общество трезвости.
Въ Травинѣ, Шопотовѣ, Меженинкѣ
общества эти разрастаются.

Да хранить тебя Богъ. Кланяюсь
Софьѣ Михайловнѣ. Дай Богъ ей вско-
рѣ совершенно поправиться.

Любящій тебя С. Рачинскій.

47.

Татево, 4-го Января. 1889 г.

Милый другъ Егоръ.

Наконецъ-то получилъ я черезъ тебя
вѣсточку о всѣхъ васъ. Побойтесь
Бога: васъ семь человѣкъ, и въ тече-
ніи цѣлаго мѣсяца, ни отъ одного изъ
васъ - ни строки! Я начиналъ серьезно
безпокоиться. Считаю себя въ правѣ
сдѣлать вамъ этотъ маленькій упрекъ,
ибо всѣ вы выучились грамотѣ не безъ
моего участія, а одно изъ самыхъ
естественныхъ приложений грамотно-
сти—писаніе писемъ.

Праздники провожу я плохо. Сяжу,

(а отчасти лежу) я не въ школъ, а въ
домѣ, ибо привезъ съ собою изъ Пе-
тербурга упорное разстройство желуд-
ка, которое грозитъ сдѣлаться хрони-
ческимъ.

Къ тому-же, насъ постигло великое
горе. Наканунѣ Новаго года скончался
о. Василій (Травинскій). Это—незамѣ-
нимая утрата...

Въ самое Рождество пріѣхалъ къ
намъ Смоленскій и провелъ у насъ
пять дней. Гостятъ у насъ дѣти Кон-
стантина Александровича.

На Рождество я не могъ быть въ
церкви. На Новый годъ—еле дотащил-
ся. Въ этотъ день къ обществу трез-
вости присоединилось 11 человѣкъ,
въ томъ числѣ В. О. Корниевскій, по-
мощникъ смотрителя Бѣльскаго Дух.
Училища. Побудила его къ этому
слѣдующая случайность. Нѣсколько
словъ изъ моей бесѣды со студентами
Петерб. Академіи какъ-то попали въ
газеты. Говорилъ я о значеніи трез-
вости для наставниковъ будущихъ па-
стырей. И вотъ—отголосокъ моихъ рѣ-
чей подѣйствовалъ—въ Бѣломѣ!

Въ Татевѣ нынѣ членовъ Общества
трезвости—193, въ Травинѣ—болѣе
ста, въ Шопотовѣ около пятидесяти.

Въ Кострицу назначенъ священникъ
П. И. Ильинскій, но еще не прибылъ
на мѣсто. Скончался также о. Иванъ
(Поникульскій) и происходитъ усилен-
ная ловля жениховъ для его добро-
дѣтельной, но некрасивой и уже не
молодой дочери.

Боюсь, чтобы этотъ моръ на свя-
щенниковъ не повлекъ за собою но-
выхъ перемѣнъ въ моемъ учитель-
скомъ персоналѣ. На одно изъ вакант-
ныхъ мѣстъ можетъ устремиться Лю-
договскій.

Да хранить васъ Богъ. Обнимаю
васъ всѣхъ.

С. Рачинскій.

48.

Татевѣ, 12 Марта. 1889 г.

Милый другъ Егоръ.

Благодарю тебя за письмо. Напрасно извиняешься ты въ рѣдкомъ писаніи: знаю, что ты очень занятъ. Достаточно, чтобы каждый изъ васъ писалъ мнѣ хоть изрѣдка, для того, чтобы я могъ быть на вашъ счетъ спокоенъ: вѣдь васъ семь человѣкъ, а я у васъ одинъ. Попенялъ я нашимъ ребятамъ за то, что прошло болѣе мѣсяца безъ писемъ отъ кого-либо изъ нихъ, но теперь получаю вѣсти о васъ довольно исправно.

Вижу изъ твоего письма, что ты опасаешься несогласій съ новымъ батюшкою, хотя таковыхъ до сихъ поръ не произошло. Будемъ надѣяться, что миръ сохранится. Но конечно, для этого тебѣ нужно быть осторожнымъ. Раевского ты знаешь давно, слѣдовательно конечно знаешь, что можетъ раздражить его, чего нужно избѣгать. Едва-ли ошибусь, высказавъ предположеніе, что всего нужнѣе—не задѣвать его самолюбія. Затѣмъ, держись съ нимъ ровно и просто, старайся оказывать ему помощь вездѣ, гдѣ къ тому представится случай. Если онъ сдѣлаетъ тебѣ какую-либо непріятность, не раздражайся, а оставайся тѣмъ-же относительно его. Это лучшее средство его обезоружить. Полагаю, что

никакихъ особыхъ поводовъ враждовать противъ тебя онъ не имѣетъ.

Всѣ наши мелкія новости я разсказалъ въ письмахъ моихъ къ Сашѣ и Денису, отправленныхъ вчера. Не повторяю ихъ. Прибавлю только, что вчера къ обществу трезвости присоединилось 19 человѣкъ, сегодня 7. Итого:

въ Татевѣ 308.

въ Меженинкѣ 152.

въ Дровнинѣ болѣе 300.

въ Трав.—Шопотовѣ 140.

А такъ какъ въ Меженинкѣ и Дровнинѣ еще произошли присоединенія въ неизвѣстномъ мнѣ числѣ, то насъ конечно теперь не менѣе тысячи.

Здоровье мое плохо, но нынѣшнюю зиму дотяну. Отнынѣ буду сторожить для тебя священническія мѣста въ нашемъ уѣздѣ.

Несчастный о. Димитрій Березкинъ лишился жены. Четверо маленькихъ дѣтей! Онъ былъ у меня, глубоко огорченный; но надѣюсь, что онъ не падетъ духомъ, не погибнетъ, какъ большинство вдовыхъ священниковъ.

Николичъ нашъ поѣхалъ въ Смоленскъ посвящаться, и о немъ ни слуху, ни духу.

Да хранить тебя Богъ. Кланяюсь Софѣ Михайловнѣ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

Часто сравниваю я крестьянъ своего роднаго села съ крестьянами со-

сѣдняго села Абашева, гдѣ я учительствую. Первые и вторые, какъ въ соблюденіи благочестивыхъ хрістіанскихъ обычаевъ, такъ и въ прочихъ проявленіяхъ

Продолж. См. № 7, 8, 9, 10 11 12, 1 1 и 15.

ніяхъ религіозной жизни, рѣзко отличаются одни отъ другихъ.

Шутовцы болѣе религіозны, болѣе прилежны къ храму Божію, болѣе проявляютъ любви и охоты въ соблюденіи добрыхъ обычаевъ, нежели Абашевцы. Вотъ я служу второй годъ въ селѣ Абашевѣ и отчасти уже знакомъ съ жизнію его населенія. Посты и исполненіе хрістіанскаго долга хотя и соблюдаются Абашевцами, но какъ-то неохотно; къ утрени во время говѣнія молеельщики приходятъ очень поздно, а по отходѣ ея спѣшать въ ближайшую къ храму крестьянскую избу, либо въ школьную прихожку, откуда ихъ ничѣмъ не выживешь до самаго благовѣста къ достойно. Скажешь, бывало: „вѣдь пора вамъ, старики, къ обѣднѣ, часы уже отошли“, но на это получаешь отвѣтъ: „настоимся еще, вѣдь къ достойно еще не звонили“, такъ и норовятъ просидѣть, да проболтать о пустякахъ всю обѣдню, не говоря уже о часахъ.

Въ Шутахъ этого нѣтъ: тамъ, какъ только кончится звонъ къ службѣ, всѣ спѣшаютъ въ церковь, а здѣсь совсѣмъ не то.

Въ крестныхъ ходахъ Абашевцы тоже участвуютъ не такъ охотно, какъ Шутовцы.

Въ Шутахъ хоругви и иконы берутся въ захватъ, а здѣсь крестьянъ къ нимъ ничѣмъ не приманишь, а если и берутъ нѣкоторые, но сейчасъ же угариваются съ односельчанами: „до тѣхъ поръ я понесу, а у такого-то мѣста ты, кумъ, смѣни меня, а то мнѣ домой надо“. Вообще охотниковъ въ Абашевѣ до крестныхъ ходовъ мало, а посему и самые ходы не имѣютъ такого оживленія, какъ въ Шутахъ.

Добрый обычай украшенія на Троицу домовъ и храма зеленью въ Абашевѣ совсѣмъ выводится.

Къ посѣщенію храма Божія Абашевцы очень не прилежны, особенно въ лѣтнее время церковь бываетъ почти пуста.

Причинами, послужившими къ охлажденію религіознаго чувства Абашевскихъ крестьянъ и къ ослабленію уваженія къ добрымъ обычаямъ хрістіанскимъ, послужило ничто иное, какъ отсутствіе священника въ теченіе 8 лѣтъ до 1891 года и зловредный расколъ, усилившійся въ эти 8 лѣтъ до того, что грозилъ заразить все село. Шутовцы же должны благодарить Бога за то, что расколъ не проникъ въ это село, да и священники были въ немъ почти непрерывно, да такіе, какихъ дай Богъ каждому приходу. Это пастыри въ буквальномъ смыслѣ этого слова, пользовавшіеся такою любовью народа, что при случавшихся перемѣщеніяхъ ихъ изъ села Шутовъ въ другія мѣста, Шутовцы рыдали, какъ дѣти. Я былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ прощанія достоуважаемаго нашего священника о. Іоанна Бѣлозерскаго съ нашими односельцами, и, право, по гробъ не забуду этихъ трогательныхъ минутъ. Полный прихожанъ храмъ буквально былъ потрясенъ рыданіями поселянъ въ тотъ моментъ, когда о. Іоаннъ сказалъ заключительныя слова послѣдняго прощальнаго своего слова къ своимъ прихожанамъ. И самъ батюшка не могъ сдержаться и заплакалъ, какъ ребенокъ. Что можетъ быть трогательнѣе этой картины?! Съ назначеніемъ уже въ Абашево священника и съ устройствомъ церковно-приходской школы броженіе умовъ въ крестьянахъ успокоилось, переходы изъ православія въ расколъ прекратились и не наблюдаются до настоящаго времени. Даже были и бывають уже случаи перехода крестьянъ изъ раскола опять въ православіе.

Да, дѣятелямъ на нивѣ народнаго просвѣщенія предстоитъ много труда. Трудъ этотъ долженъ быть направленъ не только къ распространенію грамотности среди крестьянъ, но и къ поддержанію религіозности и добрыхъ христіанскихъ обычаевъ.

Что-же собственно требуется отъ просвѣтителей народныхъ для достиженія благихъ результатовъ отъ своихъ трудовъ? Во первыхъ, конечно, живое слово, а во вторыхъ, собственный примѣръ. Послѣдній важнѣе слова. „Врачу, исцѣлися самъ“, говоритъ слово Божіе, повелѣвая народному свѣтильнику вести примѣрную жизнь.

10 Марта. На дняхъ посѣтилъ школу о. уѣздный наблюдатель. Я повѣдалъ ему нужду относительно бѣдности нашей школьной бібліотеки, и онъ обѣщаль оную пополнить.

16. Заниматься приходится серьезно, ибо время близится къ экзамену. Какъ ни стараешься, а смотришь—и тамъ и сямъ упушенія: одно растолкуешь ученикамъ, другое забудешь, третье и на умъ не взбредеть. А сколько тре-

буется отъ учителя опытности для выполнения программы! Съ вида, кажется, и программа-то непространную, а выполнить ее—довольно сложная штука.

21 Апрѣля. Давно уже я не велъ дневника, потому что мнѣ было не до него: начиная съ субботы Лазаря я порядочно былъ боленъ до четверга Өоминой недѣли. Не привелъ мнѣ Господь быть у богослуженія ни въ дни страстной седмицы, ни на Пасху, о чемъ я очень сожалею.

24 Апрѣля. Дневникъ вести пожелательно не досугъ: время близится къ экзамену, нужно постараться изо всѣхъ силъ. Я началъ даже практиковать вечернія занятія съ учениками старшаго отдѣленія. Мальчики выполняютъ уроки добросовѣстно.

10 Мая. Сегодня я кончилъ провѣрку школьнаго имущества, книгъ и учебныхъ пособій. Теперь слава Богу! Годъ учебный конченъ, не грѣхъ и отдохнуть немного. Нынѣшній годъ труды мои увѣнчались успѣхомъ: испытаніе выдержали 10 малышей, кои и удостоены полученія свидѣтельствъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учитель **Е. Нулиновъ.**

ШКОЛЬНЫЙ ЭКЗАМЕНЪ.

Вь школѣ, убранной цвѣтами,
Говорь, шумъ и оживленье:
Въ лицахъ—страхъ, надежда, робость,
Ожиданье, нетерпѣнье...
„Тише! Тише!—Идутъ члены!“...
Слышенъ крикъ—и всѣ столпились
Позади, у мѣсть; а глазки
На начальство устремились...
Прочтена молитва. Члены
Межь собой потолковали,
Оглянулись, взяли стулья,
Размѣстились—и начали...

И звенить въ тиши могильной
Голосокъ дрожаще-звонкій,
Ясно смотрятъ на начальство
Глазки умные ребенка.
Въ отворенныя-жъ окошки
Смотритъ полдень золотистый,
И поетъ пѣвунья-птичка
Въ школьномъ садикѣ душистомъ...
„Хорошо!“—рѣшаютъ члены,
И другаго вызываютъ...
О, какой восторгъ и счастье
Въ дѣтскомъ личикѣ сіяютъ!
Долго тянется экзаменъ;

Отвѣчаютъ славно дѣти
По закону, по славянски
И по всѣмъ другимъ предметамъ...
Наконецъ—экзаменъ конченъ...
Слава Богу!—Члены встали,
Собрали свои бумаги,

Дѣтямъ счастья пожелали...
Вышли всѣ... ушли и дѣти...
Лишь одинъ осиротѣлый
Школьный труженикъ-учитель
Бродить въ классѣ опустѣломъ...

Учит. С. Козубовскій.

ПОСѢВЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XVII.

Какъ руководѣльныя занятія привлекаютъ въ школу дѣвочекъ.—Стремленіе къ такимъ занятіямъ взрослыхъ дѣвушекъ.—Значеніе ихъ для школъ въ средѣ *упорствующихихъ*.—Разнообразіе руководѣльныхъ занятій.—Особенные успѣхи въ школахъ монастырскихъ.—Постановка этого дѣла въ Кишиневской и Полтавской епархіяхъ.—Труды сельскихъ „матушекъ“—Заключеніе.

Руководѣльныя занятія, составляющія третій видъ школьнаго труда, преимущественно прививаются и достигаютъ добрыхъ успѣховъ въ рукахъ дѣвочекъ. Наибольше часто упоминаемые въ числѣ школьныхъ занятій виды рукодѣлій: шитье бѣлья и вышивка; вязаніе на иглахъ и крючкахъ чулокъ, кружевъ и шарфовъ; плетеніе поясовъ, плетеные изъ соломы и прута рамы и корзиночки; вышиваніе по канвѣ и въ тамбурѣ; всякаго рода шитье ручное и на машинѣ и даже тканіе сарпинки до 10 разныхъ рисунковъ на станкѣ „Самолетъ“ (въ Вотикѣвской школѣ, Уф. уѣзда). Въ некоторыхъ школахъ эти занятія умѣлыми и усердными къ дѣлу учительницами доводятся до значительнаго совершенства; за то и награда такимъ труженицамъ учительницамъ велика: ее искренно любятъ ученицы, уважаютъ ихъ матери; дисциплина въ школѣ всегда образцовая, опрятность безукоризненная, усердіе къ дѣлу дѣвочекъ рѣдкостное. Родители не жалѣютъ затратить на обученіе своихъ будущихъ домашнихъ мастерицъ, охотно приобретаютъ все необходимое для занятій по рукодѣлію. Число желающихъ учиться въ

школѣ дѣвочекъ увеличивается; съ завистію смотрятъ на малютокъ, поступающихъ въ школу, дѣвушки возрастныхъ, пропустившія дорогое время обученія. Успѣхи руководѣльныхъ занятій много выигрываютъ отъ того, что эти занятія не требуютъ какой-либо опредѣленной программы и никакихъ особенныхъ расходовъ, такъ какъ даже и матеріалъ работы ученицы въ большинствѣ случаевъ могутъ приносить свой. Несомнѣнная польза руководѣльныхъ занятій слишкомъ очевидна: пользу эту сознаютъ и сами воспитанницы, такъ что многія, съ цѣлью усовершенствованія оставались въ школѣ даже и по окончаніи въ ней курса на годъ или два. (Уфимск.—1900-1 г. отчетъ).

Въ Монастырковской школѣ (Холмско-Варшавской еп.) руководѣльныя занятія такъ пришлись дѣтямъ по душѣ, что даже въ концѣ Мая, т. е. спустя мѣсяць по закрытіи школьныхъ занятій, приходили дѣвочки продолжать ученіе по рукодѣлію. О Колѣнской школѣ той же епархіи наблюдатель сообщаетъ, что прежде эту школу совершенно не посѣщали дѣвочки, но едва только учитель открылъ занятія по руко-

дѣлю, какъ сразу стали посѣщать школу около 10 дѣвочекъ, и это въ *деревнѣ сплошь упорствующей!* Не только ученицы, но и взрослое населеніе, не исключая католиковъ и упорствующихъ, очень сочувственно относятся къ этому предмету школьнаго обученія: охотнѣе посылаютъ въ школу своихъ дѣтей, къ учителямъ и учительницамъ относятся съ особеннымъ уваженіемъ, благодарностію и похвалою. „Почти всѣ наши школы, сообщаетъ Сѣдлецкій наблюдатель, переполнены ученицами вслѣдствіе того, что тамъ учатъ ихъ рукодѣлю“. (Холмско-Варш. отч. 1901 г.) Въ одной изъ школъ учительница умѣло и усердно вела обученіе рукодѣлю не только учащихъ дѣвочекъ, но и *взрослыхъ* женщинъ. Это дѣлаетъ весьма возможнымъ такое развитіе рукодѣльныхъ занятій, которое можетъ вліять и на экономическій бытъ цѣлаго населенія, особенно одновременно съ подобнымъ же развитіемъ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ занятій.

Въ образецъ усерднаго и наиболѣе цѣлесообразнаго веденія рукодѣльныхъ занятій должна быть поставлена между прочимъ *Лодзинская* школа (Холмско-Варш. отчетъ 1897 г.). Задача рукодѣля здѣсь сводится главнымъ образомъ къ простымъ, но самымъ *необходимымъ* знаніямъ въ бѣдномъ быту: скроить и сшить бѣлье, связать чулки, сшить простое платье. Выучивши необходимому, учительница учитъ дѣтей *полезнымъ* работамъ: вязать кружева, скатерти, дѣлать прошивки и т. п. Но особенно въ благоприятныхъ условіяхъ для развитія рукодѣльныхъ занятій находится *Лѣнинская* двухклассная школа, и, пользуясь ими во всей широтѣ, достигаетъ почти неподражаемо-образцовыхъ успѣховъ. Лѣнинскія воспитанницы, подъ руководствомъ сестеръ обители, прядутъ ленъ (сначала на веретенахъ, потомъ на самопрялкахъ), старшія прядутъ шерсть, ткнутъ на станкахъ холстъ, матерію для сарафа-

новъ и передниковъ, кроютъ и шьютъ бѣлье и платье, вяжутъ чулки, между прочимъ, и шерстяныя (на зиму). Тѣмъ, которые умѣютъ все это сдѣлать, разрѣшается вышивать и плести кружева на коклюшкахъ; онѣ же вышиваютъ ковры и полотенца. Воспитанницы Лѣнинской школы изготовляютъ и *церковныя облаченія*. А нѣкоторыя способныя къ тому ученицы обучались даже *рисованію*, какъ *подготовкѣ для иконописи*, и принимали участіе въ *раздѣлкѣ и приготовленіи красокъ, наложеніи грунтовки на полотно и другихъ подготовительныхъ работахъ* (Холмско-Варш. отч. 1897 г. стр. 22—23).

По отчетамъ другихъ годовъ той же епархіи есть возможность нарисовать особенно пріятную картину процвѣтанія школьныхъ рукодѣлій въ означенной епархіи. Уже въ 1899 году здѣсь упоминаются выдающіеся успѣхи школъ по рукодѣльнымъ занятіямъ, притомъ не только дѣвочекъ, но и мальчиковъ. Такъ, ученики Моложевской школы плели соломенники, вязали рукавицы, рисовали подъ руководствомъ талантливаго живописца. Двое изъ учениковъ стремятся скорѣй писать иконы, и одинъ „набрасываетъ“ уже рисунки съ натуры. Въ Теолинской школѣ обучали рукодѣліямъ во всемъ разнообразіи ихъ. Дѣти шили, вышивали рисунками, гладью, шерстью и шелками въ пальцахъ, вязали крючкомъ кружева; старшія учились кроить и тканью. Дѣтей пріучали также стряпать въ кухнѣ, стирать бѣлье и гладить. Рукодѣлю обучали сестры монастыря. Насколько обученіе рукодѣлю и домашнему хозяйству нравится населенію, показываетъ фактъ, что одна изъ *упорствующихихъ* крестьянокъ привела къ игуменіи уже со всѣмъ взрослою дочку съ просьбой принять въ школу, чтобы научили ее шить, вышивать и стряпать. Въ Лодзинской школѣ женское рукодѣліе преподавалось съ такимъ успѣхомъ, который давалъ епархіальному наблюдателю возможность удо-

стовѣрять: „прекрасны рукодѣльныя работы воспитанницъ школы, особенно старшихъ; онѣ очень разнообразны: дѣти вяжутъ спицами чулки, крючкомъ прошвы, кружева, салфетки; двѣ дѣвочки начали вязать одѣяло; всѣ шьютъ, однѣ вышиваютъ крестиками, другія почтовымъ швомъ, а старшія гладью“. Въ нѣкоторыя школы собирались учиться рукодѣлію не только дѣвочки школьнаго возраста, но и взрослые, и онѣ обучались кройкѣ, шитью на швейной машинѣ и вышиванію по канвѣ. И нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и вообще лучшаго средства (по замѣчанію наблюдателя) привлечь дѣвочекъ въ школу и расположить взрослыхъ въ школѣ, особенно матерей, какъ успѣшныя занятія рукодѣліемъ.

Объ успѣхахъ въ рукодѣліи воспитанницъ Больше-Ляховской школы завѣдующій его пишетъ: „я видѣлъ, что нѣкоторыя дѣвочки школы (только что тогда открытой) являлись въ церковь въ передникахъ, вышитыхъ русскими узорами въ школѣ, что отрадно видѣть среди нашего населенія, и такіе успѣхи дѣти сдѣлали въ одну зиму!“

По сообщеніямъ 1900 года рукодѣльныя занятія дѣтей *Вировскихъ* монастырскихъ школъ обнимали *всѣ* отрасли, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ. Старшія воспитанницы теперь обучаются не только кройкѣ и шитью изъ *готоваго* матеріала, но и сами *готовятъ* и этотъ матеріалъ тканымъ. Кромѣ чисто-рукодѣльныхъ работъ, старшія воспитанницы еще обучаются рисованію, игрѣ на скрипкѣ и др. искусствамъ.

Отрадныя вѣсти о процвѣтаніи рукодѣлій сообщаютъ „Кишиневскія Вѣдомости“. Рукодѣліе преподавалось въ названной епархіи во всѣхъ женскихъ школахъ и въ тѣхъ смѣшанныхъ, гдѣ обучали дѣтей учительницы. Дѣвочки являлись въ школу обыкновенно послѣ обѣда и здѣсь обучались шитью, кройкѣ и вышиванію. Въ од-

ной изъ школъ (*Куболтской*) дѣло это велось такимъ образцовымъ порядкомъ: ученицы дѣлились на 3 группы: въ меньшей учились шить и вязать, въ средней шили для себя разныя необходимыя вещи, а въ старшей выучились съ успѣхомъ шить на швейной машинѣ, вышивать по канвѣ и гладью. Попечительница школы, мѣстная помѣщица, доставляла весь необходимый матеріалъ для рукодѣльныхъ работъ. Уѣздный наблюдатель отмѣчаетъ, что при посѣщеніи этой школы, ему представились около 20 дѣвушекъ, одѣтыхъ въ собственноручно сшитыя платья. При другой Кишиневской школѣ, Флорентской, благодаря сочувствію, содѣйствію и матеріальнымъ жертвамъ попечительницы, *жены мѣстнаго священника*, ученицы обучались даже и изящнымъ работамъ, какъ то: шитью шелкомъ, бисеромъ, гладью, по канвѣ и т. под.

Наилучше дѣло обученія рукодѣлію поставлено въ школахъ Аккерманскаго уѣзда, гдѣ—отмѣтимъ это съ особою признательностію,—мѣстное земство приходитъ въ данномъ случаѣ на помощь школамъ, ежегодно ассигнуя свыше 100 руб. на рукодѣльные матеріалы. Благодаря этому сочувствію земства, была возможность устроить спеціальныя по рукодѣлію курсы для учительницъ, и затѣмъ практическіе результаты ихъ занятій въ школахъ демонстрировать даже на особой выставкѣ въ залѣ земскаго собранія, гдѣ, между прочимъ, двѣ дѣвочки—ученицы, по желанію земскихъ гласныхъ, тамъ же ткали коверъ на станкѣ, подъ руководствомъ своихъ учительницъ. Рукодѣльныя работы выставки весьма охотно раскуплены посѣтителями. (Киш. Еп. В. 1903 г. 69 стр.).

Въ *Полтавскихъ* школахъ женское рукодѣліе заведено и исполнялось такъ же почти вездѣ, какъ *обязательный* учебный предметъ. По тѣмъ женскимъ школамъ, гдѣ состояли учителями діаконы и псаломщики, рукодѣліемъ занимались ихъ жены.

Для упроченія и облегченія этихъ занятій, постановленіемъ Епарх. Совѣта, назначено было особое вознагражденіе за преподаваніе рукодѣлія и пособіе на рукодѣльные матеріалы, а епархіальныя отдѣленія устраивали при своихъ книжныхъ складахъ — склады всевозможныхъ рукодѣльныхъ матеріаловъ и принадлежностей (иголки, нитки, канва, холстъ, ножницы, аршины и т. п.), выдавая ихъ бесплатно подъ условіемъ представленія изготовленныхъ работъ въ отдѣленіе.

По нѣкоторымъ школамъ дѣти съ большою пользою работали для благоуукрашенія своего храма. Такъ воспитанницами школы изготовлено весьма изящное облаченіе на св. престолъ, и на аналогіи (есть упоминанія о приготовленіи *ковровъ* въ церкви); въ другихъ старшія дѣвочки собственно-ручно скроили и сшили себѣ къ экзамену по платьицу изъ ситца, подареннаго имъ попечителемъ школы. *Старшіе мальчики Калайдинской школы сами сшили себѣ рубахи, шаравары и куртки.* По нѣкоторымъ школамъ сработанныя дѣтми вещи продавались, а деньги шли на масло для лампы въ школѣ и на покупку матеріала для новыхъ работъ.

О значительномъ разнообразіи рукодѣльныхъ работъ можно судить по успѣхамъ *Екатеринославскихъ* школъ, гдѣ въ числѣ рукодѣлій упоминаются (отч. 1900 г.) кромѣ вышиванія и вязанія — изготовленіе бумажныхъ абажуровъ для лампъ и вязаныхъ подставокъ, подушекъ для дивановъ, бумажныхъ цвѣтовъ, и т. п.

Наконецъ, нельзя оставить безъ упоминанія любопытныхъ сообщеній Пензенскаго отчета (1900 г.). Въ *Саранской Казанской* школѣ (женской) рукодѣльныя занятія состояли — въ кройкѣ, плетеніи сѣтокъ и ручныхъ корзинъ изъ англійской бичевы, тканіи ковровъ, вышиваніи бархатнымъ швомъ, и т. п.

Въ Еремѣвской школѣ (Саранскаго у.) 4 раза въ недѣлю давала уроки жена свя-

щенника. Ученицы вязали чулки, шили дѣтскія платья, нагрудники, выпивали тамбурнымъ швомъ и крестомъ по канвѣ, вязали кружева крючкомъ и на спицахъ. Работы приносили и видимую *материальную* пользу, давъ возможность выручить за проданныя рукодѣлія ученицъ 40 руб. Пріятно читается и слѣдующее сообщеніе наблюдателя о Бугро-Ключевской школѣ: „не легкое дѣло было обучить рукодѣльямъ Бугро-Ключевскихъ дѣвочекъ, которыхъ и матери-то развѣ только когда въ окнахъ магазиновъ видѣли такія издѣлія, какимъ ихъ научили въ короткое время учительницы Миловзоровы... Уроки рукодѣлія ведены были ежедневно послѣ обѣда въ теченіе 3—4 часовъ. Къ концу года посыпались заказы отъ крестьянокъ, такъ что ученицы едва-едва успѣвали выполнять ихъ“ (56 стр.).

Любопытно, что въ большинствѣ случаевъ школы обходились безъ особыхъ наемныхъ учительницъ рукодѣлія: не говоря уже о томъ, что въ этомъ наймѣ не было никакой нужды тамъ, гдѣ въ школѣ учила *женщина*; но и тамъ, гдѣ учителемъ былъ мужчина, безкорыстно-ревностной помощницей ему въ веденіи рукодѣльныхъ занятій всегда служили или его жена, или жена завѣдывающаго, или жена одного изъ членовъ причта, а гдѣ не имѣли возможности жены, тамъ даже дочери или другія родственницы. Были извѣстны даже такіе случаи, когда нѣкоторымъ рукодѣльнымъ работамъ (напр. вышиванію по канвѣ крестиками) обучали *сами учителя* (въ 5 школахъ Холмско-Варшавск. епархіи, отч. 1901 г., 31 стр.), при чемъ за зиму въ такихъ школахъ не только дѣвочки научались вышивать крестиками, но даже и *мальчики* съ большою охотою отдавались этому занятію.

Вотъ гдѣ въ особенности благотѣльно можетъ проявляться участіе сельской матушки, и женъ другихъ членовъ сельскаго причта. Примѣръ вышеупомянутыхъ мату-

шекъ — при Еремѣвской школѣ, Саранскаго у., и при Кишиневской Флорештской,—безъ сомнѣнія, не единственныхъ въ своемъ родѣ на св. Руси—вездѣ можетъ быть сдѣланъ предметомъ подражанія. Дѣло не трудное, но вполне доброе и полезное. Цѣлыя поколѣнія будущихъ матерей прихода проходили бы т. обр. черезъ руки сельской матушки, которая была бы имъ „матушкой“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, входя съ ними путемъ занятій при школѣ въ самую близкую материнскую связь. Правда, здѣсь нельзя не согласиться, что у „матушки“ могутъ быть важныя препятствія и неудобства для правильнаго посѣщенія школы и занятій тамъ—въ собственныхъ домашнихъ обязанностяхъ и другихъ обстоятельствахъ ея личной жизни. Но и въ такихъ, вполне уважительныхъ, случаяхъ „матушка“ вовсе не лишается возможности удѣлить часокъ-другой для руководящихъ занятій: неудобство посѣщенія школы въ этомъ случаѣ многія матушки устраняли открытіемъ занятій у себя на дому въ наиболее удобные для себя и учащихся

часы, и все таки не прерывали и не бросали дѣла, въ которомъ онѣ являлись истинными помощницами своего мужа-священника въ благотворномъ воздѣйствіи на всю жизнь прихода.

Дѣло это потребовало бы, можетъ быть, и нѣкоторыхъ важныхъ жертвъ со стороны „матушки“. Пусть! Тѣмъ болѣе оно станетъ святымъ и достойнымъ того высокаго званія, которое она носить и не даромъ, конечно, должна носить для цѣлыхъ сотенъ и тысячъ своихъ духовныхъ чадъ!!....

Не боюсь преувеличить, заключивъ все, сказанное о школьномъ трудѣ, слѣдующимъ положеніемъ: *идеала своего церковная школа близко достигнетъ только тогда, когда помимо главнаго своего назначенія—воспитать душу—она дастъ ему и трудъ, въ подспорье и лучшее облагороженіе его временной жизни.* Трудъ—это та пища, которая и сама по себѣ одно изъ сильнѣйшихъ средствъ для воспитанія души, и для поддержанія и использованія добраго ея воспитанія составляетъ наилучшую живую силу!..

БИБЛИОГРАФІЯ.

Отечественная исторія въ разсказахъ, Пузицкій. Изданіе второе. Москва. 1902. I—X+244. Цѣна 75 к.

Говорить о значеніи того или другого курса отечественной исторіи въ педагогическомъ журналѣ—это значитъ показать, насколько онъ соотвѣтствуетъ общей задачѣ, которую должны преслѣдовать руководители дѣтей. И такъ какъ главная цѣль воспитанія всегда полагалась и полагается истинными ревнителями просвѣщенія въ развитіи нравственной личности человѣка, въ развитіи всѣхъ духовныхъ силъ дѣтской души, по природѣ тяготящей къ христіанскимъ добродѣтелямъ, то, очевидно, и исторія, предназначаемая для юнаго поколѣнія, должна быть собраніемъ наиболее выразительныхъ моментовъ подъема духа и проявленія лучшихъ сторонъ духовной жизни какъ всего Русскаго народа, такъ и отдѣльныхъ личностей, имена которыхъ связаны

съ выдающимися событіями жизни Русскаго государства. Опытъ такой исторіи и предлагается г. Пузицкій въ своемъ трудѣ, заглавіе котораго выписано нами. Исходя изъ того соображенія, что отечественная исторія должна преслѣдовать главнымъ образомъ воспитательныя цѣли и оказывать благотворное вліяніе не столько на умъ учащихся, сколько на ихъ нравственное чувство, на развитіе и совершенствованіе идеальныхъ стремленій, присущихъ каждому человѣку, г. Пузицкій справедливо смотритъ на нее, какъ на средство укрѣпленія религиозно-нравственнаго чувства учащихся,—воспитанія сознательной любви къ престолу Русскихъ Царей и, наконецъ, какъ на средство пробужденія чувства уваженія и благодарности къ предкамъ, интереса и

любови къ быту и нравамъ Русскаго народа. Этимъ опредѣляется и общій характеръ „Отечественной исторіи“ г. Пузицкаго. Онъ, прежде всего, обращаетъ достаточное, для цѣлаго объема его книги, вниманіе на историческія событія, имѣвшія благотворное вліяніе на духовную жизнь нашихъ предковъ, каковымъ является, напримѣръ, крещеніе Руси и связанное съ нимъ вліяніе христіанскихъ началъ на весь духовно-нравственный обликъ Русскаго народа. Съ наименьшимъ вниманіемъ авторъ относится, далѣе, къ выясненію привлекательныхъ чертъ характера нашихъ благочестивыхъ предковъ. Наконецъ, онъ отмѣчаетъ въ своей исторіи безкорыстные подвиги отдѣльных лицъ на пользу Церкви и отечества, этихъ духовныхъ богатырей земли Русской. Правда, авторъ, задавшійся цѣлю дать не столько систематическій курсъ по отечественной исторіи, сколько сборникъ эпизодическихъ разсказовъ, мало слѣдитъ за другою задачею, обязательною для историка—за выясненіемъ культурно-исторической жизни народа... Но это не такой недостатокъ, чтобы онъ лишалъ „Отечественную исторію“ г. Пузицкаго достоинства, потому что вѣдь истинно христіанское воспитаніе нравственной личности народа и есть главнѣйшее основаніе всѣхъ культурныхъ стремленій. Не нужно также забывать и того, что та особенная, оторванная отъ христіанскихъ началъ, культура передовыхъ народовъ, отсутствіе указаній на которую когда то беспокоило бібліографа Русскихъ Вѣдомостей (№ 270, 1902 г.), удивлявагося наивности книги Пузицкаго, едва-ли еще и можетъ быть понята тѣми читателями младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ исключительно и предназначалась „Отечественная Исторія“ г. Пузицкаго. Не оригинальна и не наивна, какъ

это кажется тому-же бібліографу Русскихъ Вѣдомостей, и слѣдующая мысль автора, что народъ Русскій не оставляетъ благодать Божія. Человѣкъ вѣры знаетъ, что православное исповѣданіе имени Божія и соблюденіе правды Его есть вмѣстѣ съ тѣмъ и залогъ Божія благоволенія. Эти только мысли и варьируетъ г. Пузицкій, когда пишетъ: „твердо и непоколебимо стоитъ нынѣ Русская Держава, точно избраница Божія, свыше призванная охранять миръ всего міра, всѣхъ народовъ земныхъ. Истинно русскіе люди глубоко убѣждены въ томъ, что именно наше государство, оставаясь „Святою Русью“, служа Богу и соблюдая правду Его, будетъ процвѣтать на успокоеніи и отраду всѣхъ народовъ земныхъ долго, долго, до тѣхъ поръ, когда уже не станетъ ни странъ, ни народовъ“. Вѣдь эта вѣра въ неизмѣнное заступленіе Божіе насколько не предосудительно-оригинальная мысль г. Пузицкаго, каковою склонны иногда считать ее, а вѣра первоисториковъ Русской земли—нашихъ древнихъ лѣтописцевъ, а вмѣстѣ съ ними и послѣ нихъ и всѣхъ благомыслящихъ сыновъ нашей дорогой родины.

Что касается литературныхъ достоинствъ названной книги, то и они вполне могутъ удовлетворить читателя „Отечественной Исторіи“. Видно, что авторъ ея достаточно усвоилъ себѣ общій духъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній и лучшихъ пособій по исторіи, каковы, напримѣръ, митрополитъ Макарій, Карамзинъ, Соловьевъ, Забѣлинъ и др. Въ цѣляхъ оживленія своихъ разсказовъ по исторіи, онъ иллюстрируетъ ихъ иногда выдержками изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ вылились общія воззрѣнія Русскаго народа. Цѣна названной книги сравнительно съ ея объемомъ недорогая.

Д. Введенскій.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Апрѣль 1903.

Бываютъ явленія, надъ которыми не только задумываешься, но и болишь душою... Нельзя не видѣть въ нихъ знаменій времени, знаменій печальныхъ, вызывающихъ на глубокія размышленія...

На дняхъ мы прочитали въ одной большой петербургской газетѣ такія строки:

„Гигантскими шагами идетъ „европеиза-

ція“ Русскаго народа, именно въ смыслъ обезпложенія его духа, превращенія его въ глетнубшихъ цивилизаціи полуинтеллигентовъ. Распространяясь неудержимо и въ геометрической прогрессіи, „интеллигентность“ въ народѣ, какъ это всегда и всюду бываетъ, выражается главнымъ образомъ въ отрицаніи. Теперь уже не трудно встрѣ-

тять въ фабричномъ городѣ интеллигентнаго смазчика машинныхъ колесъ, который „читаль Спенсера и ко всему относится скептически“. Рядомъ съ интеллигентами, которыхъ надо считать тысячами, уже стоятъ полу-и четверть-интеллигенты, которыхъ надо считать десятками и сотнями тысячъ; чѣмъ ниже, чѣмъ большіе круги народа захватываетъ интеллигентность, тѣмъ въ меньшей дозѣ она вкраплена, пока мы не доходимъ до долей прямо гомеопатическихъ. Но и малѣйшая доля сохраняетъ остроту чистаго, беспочвеннаго отрицанія и выражается въ „скептическомъ отрицаніи“ деревенскаго парня ко всему старому, завѣтному....“

Тотъ же публицистъ приводитъ мнѣніе другаго публициста, который говоритъ:

„Въ то время, какъ мы (конечно—интеллигенты) поверху начинаемъ думать о возстановленіи Русскаго народа, собираемъ народныя пѣсни, слушаемъ уже въ публичныхъ концертахъ русскія балалайки и домыры, народъ идетъ въ совершенно противоположную сторону. И я очень боюсь, что мы опять разойдемся, какъ два поѣзда, противоположно идущіе по разнымъ рельсамъ. Когда мы вновь перерядимся въ русскіе костюмы, воссоздадимъ для себя русскую музыку и искусство, очистимъ свое міровоззрѣніе отъ европейщины и станемъ истинноправославными и русскими людьми, (вашими бы устами да медъ пить, господа!) мы опять очутимся иностранцами среди своего народа. Къ тому времени онъ завершитъ свою „эволюцію“, окончательно одѣнетъ тѣло въ нѣмецкій пиджакъ, а душу—въ нѣмецкую штунду.... и станетъ отчасти западной буржуазіей, отчасти—пролетаріатомъ“.

Вотъ наблюденія, сдѣланныя не нами, людьми церковными, а свѣтскими публицистами. Для насъ все это не новость. Мы давно видимъ эту бѣду. Церковь дѣлаетъ все, что можетъ, для ея предупрежденія. Однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ къ тому служатъ, конечно, наши церковныя школы. Можетъ быть намъ слѣдовало бы порадоваться, что вотъ и люди свѣтскіе, люди другаго лагеря увидѣли ту же опасность?... Но съ другой стороны—стало быть уже велика эта опасность, если даже для нихъ она стала такъ замѣтна, что какъ будто пугаетъ ихъ.... Иприодной мысли объ этомъ становится ужъ не до радости....

Вышеупомянутый публицистъ съ пафосомъ восклицаетъ: „Пусть онѣмѣть моя рука, которою я записываю эти строки, если я когда либо повѣрю, что Русскій народъ въ цѣломъ сталъ чуждъ своей исторіи и судьбамъ славянства, что нашей народной массѣ нѣтъ дѣла до церковныхъ и иныхъ преданій, даже въ ту минуту, когда ей ѣсть хочется, даже въ ту ужасную минуту, когда нечего ѣсть ни самому, ни женѣ, ни маленькимъ дѣтямъ! (Святая правда!) Нѣтъ, даже въ эту минуту русскій крестьянинъ въ массѣ своей не перестаетъ обращать молитвеннаго взгляда своего къ темному, древнему лику Того, Кто нѣкогда тремя хлѣбами насытилъ пять тысячъ (пятью, г. публицистъ, а не тремя: такъ ошибаться непростительно даже школьнику, а вы—слава Богу—не мальчикъ) и Кому молились дѣды и прадеды! Въ крайней сегодняшней нуждѣ несчастный, темный, замученный народъ нашъ не пересталъ быть великимъ Русскимъ народомъ, и если есть гдѣ вѣра, такъ это въ немъ, и вѣра, горамидвигающая. Эта вѣра спасала его тысячу лѣтъ. Эта вѣра и нынѣ его спасетъ“....

Какія умныя, хорошія рѣчи! Если бы только всѣ наши интеллигенты такъ говорили! Если бы не только говорили, но и согласно съ своими рѣчами дѣйствовали въ той области, гдѣ они чувствуютъ себя хозяевами! Тогда можно бы надѣяться, что и опасная для самобытности народа нашего „европеизація“, и всякія „эволюціи“ прекратились бы, и нашъ народъ „гигантскими шагами“ пошелъ бы по пути своего духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія, и насталъ бы для него „золотой вѣкъ“....

Къ несчастью, этого-то и нѣтъ. Тѣ же газеты, которыя печатаютъ статьи публицистовъ, подобныхъ г. Энгельгардту, упорно замалчиваютъ все, что ведетъ народъ къ истинному благу въ духѣ „вѣры, горамидвигающей, вѣры, тысячу лѣтъ народъ нашъ спасающей“; напротивъ, съ большимъ сочувствіемъ отмѣчаютъ такія явленія, въ которыхъ—до боли душевной—подчеркивается недоброжелательство къ родной Церкви, къ церковности въ дѣлѣ народнаго воспитанія, гдѣ шумно рукоплещутъ ораторамъ, которые не могутъ даже равнодушно произносить имя священника, которые заявляютъ о необходи-

мости ходатайствовать, чтобъ учителей „освободили отъ обязанности въ праздники ходить въ церковь съ учениками“... Да, читатель, такіе ораторы были на учительскомъ сѣздѣ въ Москвѣ, происходившемъ между 28 декабря и 6 января. И, что особенно больно, эти ораторы—земскіе и иныхъ вѣдомствъ *народные учителя*, и сими учителямъ-ораторамъ громко рукоплескали ихъ многочисленные товарищи, собравшіеся со всей Россіи, отъ Амура до Варшавы, отъ Архангельска до Туркестана. И этотъ „сѣздъ“ превозносятъ всѣ наши либеральныя газеты, начиная съ „Русскихъ Вѣдомостей“ и кончая самымъ дешовымъ, и слѣдовательно наиболѣе распространеннымъ „Журналомъ для всѣхъ“... И никто не обмолвился объ оскорбительныхъ для Церкви выходкахъ либеральствующихъ „делегатовъ“ учителей, и эти учителя — героя либерализма — остаются конечно, на своихъ мѣстахъ, и дѣлаютъ свое дѣло, и.. ужели можно повѣрить, что она *только* грамотѣ учатъ своихъ ребятъ? Ужели ихъ настроеніе, ихъ *духъ* не передается дѣтямъ? Ужели эти учителя повинны въ этой „европеизаціи“ и „эволюціи“, которыя стали уже замѣтны даже и для нашихъ, болѣе честныхъ и прямодушныхъ публицистовъ нецерковнаго направленія?... „Когда же мы наконецъ дождемся, говорятъ „Московскія Вѣдомости“, что исполнится та воля нашего Государя, которую Онъ неуловно подтверждаетъ каждый разъ, когда приходится выражать Свой взглядъ на школьный вопросъ, и которую Онъ снова выразилъ и теперь, въ указа-

ніяхъ Министру Народнаго Просвѣщенія по устройству средней школы: „Особое вниманіе должно быть обращено на изысканіе *способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго* и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ *всѣхъ типовъ* на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ преданности русской государственности“... Будемъ надѣяться, что Государю не придется болѣе повторять этихъ указаній“, говоритъ почтенная газета.

Увы, слишкомъ слабая надежда, пока наша либеральная печать не прозрѣетъ духовно, пока она будетъ только потакаетъ всѣмъ этимъ недорослямъ во образѣ либеральныхъ учителей всякаго рода и племени. И, читая статьи въ родѣ тѣхъ, изъ которыхъ мы только-что привели выписки, нольно хочется громко крикнуть ихъ авторамъ:

Кликните же кличъ, всѣ вы, гг. Суворины, Энгельгардты, Шарашовы, кликните громче во имя блага роднаго народа: да будетъ стыдно всѣмъ этимъ либеральствующимъ врагамъ Церкви и народа, прикрывающимся именемъ народныхъ учителей!.. Не укрывайте ихъ, не замалчивайте ихъ глупыхъ и безстыдныхъ рѣчей. Право же ваше слово для нихъ болѣе авторитетно, чѣмъ чье-бы то ни было изъ *нашего* лагеря; васъ они устыдятся и усямятся скорѣе, чѣмъ какого либо начальства и власти! Будьте мужественны, чтобъ говорить имъ правду въ глаза—до конца, до послѣдняго ея слова!.. Иначе мы плохо вѣрнемъ вашимъ горячимъ словамъ, хотя бы вы подкрѣпляли ихъ и самыми страшными клятвами...

СОДЕРЖАНІЕ: Прекрасное въ природѣ, какъ средство воспитанія. *Димитрія Введенскаго*.—Что и какъ читать нашему сельскому учителю? Учитель *Стефана Козубовскаго*.—Печальная годовщина. Памяти незабвеннаго Сергѣя Александровича Рачинскаго. *Архим. Никона*.—Памяти С. А. Рачинскаго. *Стихота. Гурьева*.—Искренность и любовь, какъ основа воспитанія. Изъ писемъ Рачинскаго къ И. В. Арсеньеву.—Письма С. А. Рачинскаго къ Г. А. Толстому.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. Учитель *Е. Куликова*.—Школьный экзаменъ. *Стих.* Учитель *С. Козубовскаго*.—Посѣвы и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.—Библиографія. *Д. Введенскаго*.—Нашъ дневникъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 5-я (пять статей).

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Апрѣля 22 дня, 1903 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вгльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.